Der Bote Вестник

Zeitschrift der Evangelisch-Lutherischen Kirche № 2/2014 Журнал Евангелическо-Лютеранской Церкви

Тема номера:

«Царство Мое не отсюда»: Церковь и политика

Unser Thema:

"Mein Reich ist nicht von dieser Welt ": Kirche und Politik

В НОМЕРЕ:
IN DIESEM HEFT:

От редакции / Editorial **3**
Дитрих Брауэр / Dietrich Brauer

Проповедь / Predigt **4–7**
Стойте в свободе / Steht fest in Freiheit
Дитрих Брауэр / Dietrich Brauer

Тема номера: **«Царство Мое не отсюда»: Церковь и политика**
Unser Thema: **"Mein Reich ist nicht von dieser Welt ": Kirche und Politik**

Церкви и политический кризис
Die Kirchen und die politische Krise **8–9**
Ханс-Иоахим Кидерлен / Hans-Joachim Kiderlen

Это (не) христианство? Учение о двух Царствах Мартина Лютера **10–12**
Антон Тихомиров

Pro et contra **12-14**

«Солидарность»: без веры не было бы победы / "Solidarność": ohne Glauben gäbe es keinen Sieg **19–23**
Малгожата Гживач / Małgorzata Grzywacz

«Вера несла и спасала»
Интервью с Эдит Мютель
"Der Glaube war Halt und Rettung"
Interview mit Edith Müthel **24–29**
Марина Худенко / Marina Chudenko

Детская страничка **15–18**
Где Бог?
Старушка, которая ждала Бога
Озеро спит / Still ruht der See
Притча о богатом человеке

Музыка **30**
«Иисус Христос, Сын Божий» /
"Herr Christ, der einig Gotts Sohn"

Молитва / Gebet **31**
Мужество для построения мостов /
Mut zum Brückenbauen
Нести ответственность / Verantwortung tragen

ВЕСТНИК

Журнал Евангелическо-Лютеранской Церкви выходит 3 раза в год

Редакторы журнала
Елена Дякива
Марина Худенко

Верстка
Юлия Другова

Перевод на немецкий
Руфь Штубеницкая

Корректура немецких текстов
Ханс Крех

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора

Адрес:
Россия,
191186, Санкт-Петербург,
Невский пр., 22-24
Тел.: (812) 571-94-17
E-mail: bote@elkras.ru
При перепечатке ссылка обязательна

Регистрационное свидетельство № 018676 от 7 апреля 1999 года

Отпечатано в типографии ООО "Тираж": Россия, 194156, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, д. 13/2, лит. Л

Подписан в печать 15.07.2014

Тираж: 1000 экз.

На титульной странице – Николай Ге «"Что есть истина?". Христос и Пилат». 1890 год

DER BOTE

Zeitschrift der Evangelisch-Lutherischen Kirche erscheint dreimal im Jahr

Redaktion
Marina Chudenko
Elena Djakiwa

Lay-Out
Julia Drugowa

Übersetzungen ins Deutsche
Ruth Stubenitzky

Korrektur der deutschen Texte
Hans Krech

Namentlich gekennzeichnete Artikel geben nicht grundsätzlich die Meinung der Redaktion wieder

Adresse:
Newski pr., 22-24
191186 St. Petersburg,
Russland
Tel: (812) 571-94-17
E-mail: bote@elkras.ru

Druck: GmbH "Tirage",
Russland 194156,
St. Petersburg,
Engelsa pr., 13/2, „Л"
Redaktionsschluss – 15.07.2014

Auflage: 1000

Auf dem Titelbild – Nikolai Ge "«Was ist Wahrheit?». Christus und Pilatus". 1890

Дорогие читатели!

Этот номер «Вестника» посвящен очень сложной и противоречивой теме: «Церковь и политика». Несмотря на все сомнения, мы всё же рискнули взяться за эту тему. Однако не с целью ответить на все вопросы, а, скорее, дать некоторую основу для дальнейших самостоятельных размышлений и выводов. Потому что в вопросе политической позиции мы имеем дело с совестью и личной ответственностью каждого. Невозможно представить себе христианскую жизнь, происходящую в закрытом благочестивом религиозном пространстве. Она всегда полноценная, многогранная жизнь, которая происходит на том месте, куда мы поставлены, в постоянном взаимодействии с другими людьми и в обществе. Здесь мы проявляем себя, приносим плод нашей веры и свидетельствуем другим о наших ценностях и надеждах как христиане.

«Реформация и политика» – тема этого года в рамках подготовки к большому юбилею Реформации в 2017 году. Сегодня религию нередко воспринимают как сугубо личное дело. Однако именно люди, движимые глубокой верой, проявляют мужество обличать политические злоупотребления, исцелять общество от слепоты, преображать сознание людей в самые кризисные времена. Реформация, имея прежде всего духовную мотивацию, не бывает чисто религиозной, она оказывает влияние на все аспекты человеческого бытия, включая политику.

Кроме того, вне зависимости от нашего отношения к политике, она имеет обыкновение сама безо всякого приглашения с нашей стороны проникать в нашу жизнь и решать за нас. Именно поэтому так важно и в политических вопросах ориентироваться прежде всего на Слово Божье. В любых наших рассуждениях о политике нам нужно вовремя остановиться и почувствовать, что Христос взирает на нас со Своего Креста, принося себя в жертву за нас. Чтобы мы жили и обретали истинную свободу по вере в Спасителя подобно тому, как обрел ее Савл Тарсянин.

Только настоящая свобода способна расставить всё по своим местам и в политике. Ведь она всегда находится выше конъюнктуры, предрассудков, пропаганды. Она способна мыслить независимо, действовать с любовью, проявлять милосердие.

Каждый из нас, так или иначе, не раз встает перед политическим выбором. Этот выбор должен быть осмысленным и свободным. Желаю, чтобы этот номер нашего «Вестника» стал помощью и ободрением на этом пути.

Да благословит Господь ваше чтение и размышление!

От имени редакции и редакционного совета
епископ Дитрих Брауэр, Москва

Liebe Leserinnen und Leser!

Diese Ausgabe des "Boten" ist einem sehr schwierigen und widersprüchlichen Thema gewidmet: "Kirche und Politik". Trotz aller Zweifel haben wir es gewagt, dieses Thema anzupacken. Jedoch wollen wir damit nicht alle Fragen beantworten, sondern eher eine gewisse Grundlage für weitere selbständige Gedanken und Schlussfolgerungen schaffen. Denn bei der Frage nach der politischen Position haben wir mit dem Gewissen und der persönlichen Verantwortung jedes Einzelnen zu tun. Man kann sich kein christliches Leben in einem geschlossenen frommen religiösen Raum vorstellen. Es ist immer ein vollwertiges, facettenreiches Leben, das dort vonstatten geht, wohin wir gestellt sind, in ständiger Interaktion mit anderen Menschen und in der Gesellschaft. Hier zeigen wir uns, bringen die Frucht unseres Glaubens und bezeugen anderen unsere Werte und Hoffnungen als Christen.

"Reformation und Politik" ist das Thema dieses Jahres im Rahmen der Vorbereitung auf das große Jubiläum der Reformation im Jahr 2017. Heute wird Religion häufig als reine Privatsache aufgefasst. Aber gerade Menschen, die von tiefem Glauben getrieben werden, zeigen den Mut, politischen Missbrauch aufzuzeigen, die Gesellschaft von Blindheit zu heilen, das Bewusstsein der Menschen in den schärfsten Krisenzeiten zu wandeln. Reformation, etwas in erster Linie geistlich Motiviertes, ist niemals rein religiös, sie beeinflusst alle Aspekte des menschlichen Seins einschließlich der Politik.

Außerdem hat die Politik, unabhängig davon, wie wir uns zu ihr verhalten, die Eigenschaft, selber ungebeten in unser Leben einzudringen und an unserer Stelle zu entscheiden. Gerade deshalb ist es so wichtig, sich auch in politischen Fragen in erster Linie am Wort Gottes zu orientieren. In allen unseren Überlegungen über Politik müssen wir rechtzeitig innehalten und erfahren, dass Christus von seinem Kreuz auf uns herab schaut, wo er sich selber für uns zum Opfer bringt. Damit wir leben und wahre Freiheit im Glauben an den Heiland erlangen, wie Saulus von Tarsus sie erlangte.

Nur wahre Freiheit ist in der Lage, auch in der Politik alles ins rechte Licht zu rücken. Denn sie steht immer über den Dingen – über Konjunktur, Vorurteilen und Propaganda. Sie ist fähig, unabhängig zu denken, mit Liebe zu handeln, Barmherzigkeit zu erweisen.

Jeder von uns steht in irgendeiner Weise vor einer politischen Entscheidung. Diese Entscheidung muss durchdacht und frei sein. Ich wünsche uns, dass diese Ausgabe unseres "Boten" eine Hilfe und Ermutigung auf diesem Weg ist.

Der Herr segne euer Lesen und Nachdenken!

Im Namen der Redaktion und des Redaktionsrates
Bischof Dietrich Brauer, Moskau

Стойте в свободе

Дитрих Брауэр, епископ Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России, и.о. Архиепископа Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, Москва

Dietrich Brauer, Bischof der Evangelisch-Lutherischen Kirche europäisches Russland, kommissarischer Erzbischof der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Russland, Moskau

День Реформации мало известен в России, несмотря на то, что почти уже 500 лет в этой стране существуют христианские общины, присоединившиеся к Реформации. К началу XX века в России проживало около одного миллиона лютеран. Советская власть разрушила эту лютеранскую Церковь. За прошедшие после распада Советского Союза 20 лет многие лютеране, пережившие время репрессий, эмигрировали – назад в Германию. И вот, сегодня в России мы стали очень маленькой Церковью, которая находится в самом начале своего за прошедшие пути. То, что пишет Павел о христианах в Коринфе, актуально сегодня и для нас: «Не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» (1 Кор. 1,26).

Но мы хотим заново стать Церковью Иисуса Христа в России. Мы отказываемся от претензий играть важную, влиятельную роль в обществе, как это было еще в XIX веке. Мы отказываемся от любых попыток всё время оглядываться только лишь на прошлое и на достижения лютеран в российской истории. Мы снова находимся в начале.

И в этом начале мы спрашиваем себя: **Что мы имеем в действительности? В чем мы можем быть убеждены? Что является надежным фундаментом для нашего христианства?** И здесь становятся важными взгляды Реформации.

Мы познаем, что не столь важно для Церкви обладать импозантными зданиями, яркими одеяниями и дорогими произведениями искусства. Еще большему учимся мы от Мартина Лютера: «Истинное сокровище Церкви – это пресвятое Евангелие о славе и благодати Бога», – как это говорится в 92-м тезисе – одном из 95-ти, якобы прибитых им 31 октября 1517 года на дверь Замковой церкви. Тогда своими тезисами Лютер протестовал против того, чтобы папская Церковь собирала с верующих деньги за отпущение грехов, чтобы ради собственной славы воздвигнуть роскошный собор св. Петра в Риме. И то, что людям внушали, что они якобы могут добиться расположения у Бога, участвуя своими денежными пожертвованиями в этом деле, он считал богохульством.

«Истинное сокровище Церкви – это пресвятое Евангелие о славе и благодати Бога». Это сокровище является тем, что у нас есть в действительности, и тем, в чем мы можем быть уверены. Евангелие, эта благая весть для людей – это нечто совершенно другое и гораздо большее, чем слава и признание. Благая весть Евангелия – это Слово, которым Бог освобождает нас, людей, от принуждений, которыми мы подавляем друг друга и превращаем в рабов. И именно Реформация вновь открыла эту сторону христианского благовестия.

Мартин Лютер заново открыл апостола Павла. И Павел ясно выразился в своем Послании к Галатам: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5,1).

Как христиане в России мы пережили на своем опыте, что более 20 лет назад с нас было снято иго советской власти. Мы от всего сердца благодарны Богу за это. Мы снова можем жить в нашем обществе как христиане. Это большая благодать.

Фрагмент витража с изображениями Лютера в церкви св. Фомы в Лейпциге

Lutherfenster in der Thomaskirche zu Leipzig, Ausschnitt

Steht fest in Freiheit

Der Reformationstag ist in Russland wenig bekannt, obwohl es seit fast 500 Jahren in diesem Land christliche Gemeinden gibt, die sich der Reformation angeschlossen haben. Zu Beginn des 20. Jahrhunderts gab es in Russland ungefähr 1 Million Menschen, die Lutheraner waren. Die sowjetische Herrschaft hat diese lutherische Kirche zerstört. Nach dem Ende der Sowjetunion sind in den vergangenen 20 Jahren die meisten Lutheraner, die die Zeit der Repression überlebt haben, ausgewandert – zurück nach Deutschland. Und so sind wir in Russland heute eine sehr kleine Kirche geworden, die wieder ganz am Anfang steht. Das, was Paulus über die Christen in Korinth schreibt, gilt heute auch für uns: Es sind nicht viele Weise, nicht viele Mächtige, nicht viele Angesehene. (1.Kor 1,26)

So aber wollen wir in Russland neu Kirche Jesu Christi werden. Wir verabschieden uns von der Vorstellung, eine mächtige, einflussreiche Rolle in der Gesellschaft zu spielen wie noch im 19. Jahrhundert. Wir verabschieden uns von allen Versuchen, immer nur auf die Vergangenheit und die Leistungen der Lutheraner in der russischen Geschichte zurückzublicken. Wir stehen wieder am Anfang.

An diesem Anfang fragen wir: Was haben wir wirklich? Was kann uns gewiss sein? Was ist ein verlässliches Fundament für unser Christsein? Und dabei werden Einsichten der Reformation wichtig.

Wir lernen, dass es nicht so wichtig ist, dass die Kirche stattliche Gebäude, bunte Gewänder und wertvolle Kunstschätze besitzt. Vielmehr lernen wir von Martin Luther: "Der wahre Schatz der Kirche ist das heilige Evangelium der Herrlichkeit und Gnade Gottes" – so wie es in der 62. These heißt, einer der 95, die er damals am 31. Oktober 1517 an die Tür der Schlosskirche geschlagen haben soll. Luther hatte damals mit seinen Thesen dagegen protestiert, dass die päpstliche Kirche von den Gläubigen für den Ablass Geld sammelte, um zu ihrem eigenen Ruhm den prächtigen Petersdom in Rom zu errichten. Und dass man den Menschen einredete, sie könnten bei Gott Wohlgefallen erlangen, wenn sie sich mit ihren Geldopfern daran beteiligten, hielt er für Blasphemie.

"Der wahre Schatz der Kirche ist das heilige Evangelium der Herrlichkeit und Gnade Gottes." Dieser Schatz ist etwas, was wir wirklich haben und was uns gewiss ist. Das Evangelium, diese frohe Botschaft für die Menschen, ist etwas ganz anderes und viel mehr als Ruhm und Anerkennung. Die frohe Botschaft des Evangeliums – das ist das Wort, mit dem Gott uns Menschen befreit von den Zwängen, mit denen wir uns gegenseitig bedrücken und zu Sklaven machen. Und es war die Reformation, die diese Seite der christlichen Botschaft wiederentdeckt hat.

Мартин Лютер Кинг выступает с речью в Вашингтоне в августе 1963 года

Martin Luther King hielt die Rede in Washington im August 1963

Martin Luther hatte den Apostel Paulus neu entdeckt. Und Paulus hatte es auf einen klaren Satz gebracht, wenn er im Galaterbrief schreibt: "Zur Freiheit hat uns Christus befreit! So steht nun fest und lasst euch nicht wieder das Joch der Knechtschaft auflegen!" (Gal. 5,1)

Als Christen in Russland durften wir erleben, dass vor etwas mehr als 20 Jahren das Joch der sowjetischen Herrschaft von uns genommen wurde. Und wir sind Gott von Herzen dankbar dafür. Wir können wieder als Christen leben in unserer Gesellschaft. Das ist eine große Gnade.

Die Frage ist aber: Hören wir auch, was Paulus im zweiten Teil seines Satzes sagt, wo er die Galater ermahnt: „So steht nun fest und lasst euch nicht wieder das Joch der Knechtschaft auflegen"? Ist jetzt, nachdem wir die gnädige Befreiung vom Joch der Knechtschaft erlebt haben, alles wieder gut? War es vielleicht nur

Но вот вопрос: Слышим ли мы также и то, что Павел говорит во второй части своей фразы, где он предостерегает галатов: «не подвергайтесь опять игу рабства»? Всё ли благополучно теперь, после того, как мы пережили милостивое освобождение от ига рабства? Возможно, это была лишь гримаса истории, чудовищный эпизод, то, что мы были вынуждены 70 лет жить под властью коммунистов – а теперь снова всё хорошо?

Вместе с освобождением на нас возложено и поручение. Наша свобода куплена дорого. Это имеет двойной смысл. С одной стороны, время репрессий стоило многих, многих жертв. Людям приходилось изворачиваться для того, чтобы выжить. Христиане чувствовали необходимость отрицать свою веру и лгать. Многим даже пришлось заплатить за их веру жизнью. С другой стороны, это также имеет значение для хождения пред Богом. Павел предостерегает общину в Коринфе, которая находится в опасности неверно понять подаренную свободу. Свобода не лишает ответственности. Кто считает хорошим и позволительным всё, что ему заблагорассудится, обращается со свободой неправильно. Павел говорит им, имея в виду крестную смерть Христа: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7,23).

Как же правильно обходиться христианам с подаренной свободой? Прежде всего, мы можем быть убеждены в том, что мы имеем эту свободу. **Христос действительно освободил нас. Нам не нужно ни перед кем и ни перед чем преклоняться. Нам не нужно внутренне покоряться никакой устрашающей силе.**

В то же время мы знаем, что при всей свободе наше спасение не в этом мире. У нас, людей, слишком много недостатков для того, чтобы мы смогли создать Царствие Божье на земле. В реальности мы остаемся теми, кто снова и снова терпит неудачи, кто снова и снова становится жертвой собственного эгоизма и тщеславия. Мы, люди, таковы, как описывает нас апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7,19). Лишь время от времени нам удается по милости Божьей показывать пример другим. Время от времени, наверное, мы можем показывать миру, что делать доброе из любви и сострадания возможно. Время от времени мы, наверное, можем использовать нашу свободу и быть смелее, когда видим, что страдает человеческое достоинство. Возможно, иногда нам удается не гнаться за мамоной и его соблазнами. Как люди, знающие о Божьей благодати, мы имеем представление о том, каким может быть мир без греха. Мы можем это видеть в Иисусе Христе. Поэтому мы должны рассказывать об этом, мы можем мечтать о том, как в этом мире всё могло бы быть иначе. Благодать делает нас свободными для мечты. При любом режиме.

Летом 2013 года мы вспоминали о том, как один значимый свидетель Иисуса Христа в своей длинной речи показал миру, насколько в нем всё может быть иным. 50 лет назад Мартин Лютер

Кинг выступил в Вашингтоне со своей знаменитой речью, которая изменила мир: «У меня есть мечта».

Я тоже хотел бы в завершении моей проповеди поделиться с вами своими мечтами:

Я мечтаю о том, чтобы мы сохраняли свободу и давали быть свободными другим.

Я мечтаю о том, чтобы повсюду без насилия могла развиваться настоящая демократия.

Я мечтаю о том, чтобы Церкви проповедовали освобождающую благую весть Божью и не играли роль государственных марионеток.

Я мечтаю о том, чтобы в моей стране, России, были возможны реформы.

Я мечтаю о том, чтобы у нас был свободный суд и некоррумпированные структуры.

*Я мечтаю о том, что Бог однажды призовет людей, для которых вера в свободу будет "ultimate concern".**

Я мечтаю о том, чтобы наша маленькая лютеранская Церковь смогла внести свой вклад в это.

Эти мечты могут звучать наивно. Но мы должны оберегать нашу свободу для мечты. Так пишет апостол Павел: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства».

Аминь. ■

---

* *(англ. ultimate concern) – в понимании богослова Пауля Тиллиха то, что предельно нас интересует, становится для нас святым, божественным.*

eine Laune der Geschichte, eine teuflische Episode, dass wir 70 Jahre unter kommunistischer Herrschaft leben mussten – und jetzt ist alles wieder normal?

Mit der Befreiung haben wir auch einen Auftrag bekommen. Unsere Freiheit ist teuer erkauft. Das gilt in zweierlei Hinsicht. Zum einen hat die Zeit der Repression in der Sowjetunion viele, viele Opfer gekostet. Menschen mussten sich verbiegen, um überleben zu können. Christen fühlten sich genötigt, ihren Glauben zu verleugnen und zu lügen. Viele haben ihren Glauben sogar mit dem Leben bezahlen müssen. Zum anderen gilt das auch für das Leben vor Gott. Paulus ermahnt die Gemeinde in Korinth, die in der Gefahr steht, die geschenkte Freiheit falsch zu verstehen. Freiheit entbindet nicht davon, verantwortlich zu leben. Wer alles nach Lust und Laune für gut und erlaubt hält, geht mit der Freiheit nicht richtig um. Ihnen sagt Paulus mit Bezug auf den Kreuzestod Christi: „Ihr seid teuer erkauft; werdet nicht der Menschen Knechte.“ (1 Kor. 7,23)

Wie gehen Christen mit der geschenkten Freiheit richtig um? Zum einen können wir uns sicher sein, dass wir die Freiheit haben. **Christus hat uns tatsächlich frei gemacht. Wir brauchen uns vor nichts und niemandem zu ducken. Wir brauchen uns innerlich keiner noch so Angst machenden Gewalt beugen.**

Gleichzeitig wissen wir, dass bei aller Freiheit unser Heil nicht in dieser Welt liegt. Als Menschen haben wir viel zu viele Unzulänglichkeiten, als dass wir das Himmelreich auf Erden erschaffen könnten. Realistisch betrachtet bleiben wir Menschen, die immer wieder scheitern, die immer wieder dem Egoismus und der eigenen Eitelkeit zum Opfer fallen. Wir Menschen sind so, wie der Apostel Paulus sagt: “Das Gute, das ich will, das tue ich nicht; sondern das Böse, ... das tue ich.” (Röm 7,19) Nur hier und da gelingt es uns mit Gottes Gnade, ein Zeichen zu setzen. Hier und da können wir vielleicht der Welt zeigen, dass es möglich ist, aus Liebe und Erbarmen etwas Gutes zu tun. Hier und da können wir vielleicht unsere Freiheit nutzen und etwas mutiger sein, wenn wir erleben, dass Menschen in ihrer Würde verletzt werden. Vielleicht gelingt es uns manchmal, auch nicht dem Mammon und seinen Verlockungen nachzujagen. Als Menschen, die von Gottes Gnade wissen, haben wir eine Idee davon, wie eine Welt ohne Sünde aussehen kann. Bei Jesus Christus können wir es sehen. Und deshalb sollen wir davon erzählen, ja wir dürfen träumen, wie es in der Welt anders zugehen könnte. Die Gnade macht uns frei für Träume. Unter jedem Regime.

Im Sommer 2013 wurden wir daran erinnert, wie ein bedeutender Zeuge Jesu Christi in einer großen Rede der Welt vor Augen geführt hat, wie es in ihr anders zugehen könnte. Vor 50 Jahren hielt Dr. Martin Luther King in Washington seine berühmte Rede, die die Welt verändert hat: „I have a dream“.

So möchte auch ich zum Schluss meiner Predigt meine Träume mit Ihnen teilen:

Ich träume, dass wir die Freiheit bewahren und auch anderen es gönnen, frei zu werden.

Ich träume, dass wahre Demokratie sich überall ohne Gewalt entwickeln kann.

Ich träume, dass die Kirchen die eine, frei machende, frohe Botschaft Gottes predigen und nicht die Rolle von Marionetten des Staates spielen.

Ich träume, dass auch in meinem Land Russland Reformen möglich sind.

Ich träume, dass auch bei uns ein freies Gericht und korruptionsfreie Bereiche existieren können.

Ich träume, dass Gott einst die Menschen beruft, für die der Glaube an die Freiheit zum „ultimate concern“ wird.

Ich träume, dass auch unsere kleine lutherische Kirche dazu einen Beitrag leisten kann.

Diese Träume mögen naiv klingen. Wir sollten uns aber die Freiheit zu träumen bewahren. So schreibt der Apostel Paulus: „Zur Freiheit hat uns Christus befreit! So steht nun fest und lasst euch nicht wieder das Joch der Knechtschaft auflegen!“

Amen. ■

Церкви и политический кризис

Ханс-Иоахим Кидерлен, епископ Евангелическо-Лютеранской Церкви в Грузии, Тбилиси

Hans-Joachim Kiderlen, Bischof der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Georgien, Tbilissi

Глубокий кризис на Украине является результатом актуальных политических решений Европейского Союза и Российской Федерации, борьбы за власть, как во времена холодной войны. Кризис мог, однако, возникнуть только на основе исторических и культурных разногласий, за которые несут ответственность также и Церкви на Украине. На Украине, в «пограничной стране» в самом центре Европы, политиками вновь разрыт старый большой ров, через который следовало бы построить мосты. Конечно, существует сходство с ситуацией перед Первой мировой войной, когда политики действовали так же слепо и с таким же фатализмом. Правда, я не верю, что в дальнейшем события будут развиваться по тому же пути, как 100 лет тому назад.

Западноевропейское политическое и общественное мышление исходит, прежде всего, из того, что Церкви и религиозные сообщества отстранились от политических действий. Церкви обращаются к совести своих прихожан и политических деятелей только лишь с призывами к миру, справедливости и примирению. По сложившейся, в основном, православной традиции, восточноевропейские Церкви по своему собственному убеждению являются частью политики, вплоть до того, что находятся на службе у государства.

Само собой разумеется, что православные Церкви «делают» политику, ведь они считают себя защитниками интересов национальной истории и культуры! Три Церкви восточного обряда на Украине поддерживают примерно три части населения. Это находящаяся в полной сопричастности с Римским Папой Украинская Греко-Католическая Церковь, сосредоточенная на Западе страны, затем Украинская Православная Церковь – Киевский Патриархат, которая хочет быть национальной независимой Церковью, и Украинская Православная Церковь – Московский Патриархат с сильными позициями, прежде всего, на Востоке и Юге страны среди русскоязычного населения. На Украине трудно распознать культуру и историю, которая воспринималась бы как общая и единая основа. Три Церкви восточного обряда на Украине являются скорее результатом политических и культурных разногласий. Хорошим знаком является то, что при нынешнем кризисе эти три Церкви с противоположной политической ориентацией – вместе с другими, меньшими религиозными сообществами – снова и снова находят общие слова, призывающие к миру и примирению.

> **«На Украине вновь разрыт старый большой ров, через который следовало бы построить мосты»**

Как могут и как должны реагировать евангелические, в частности, лютеранские, Церкви согласно своему учению и традиции на политические кризисы, которые угрожают существованию страны, в которой они ведут свою деятельность? Правильным будет обращаться к совести людей, в частности, политиков, с призывами к миру и примирению и помогать жертвам. Жизнь и достоинство отдельного человека и любовь людей друг к другу должны быть в центре всех действий Церкви! Ориентация церковных действий в этом направлении уже почти является политикой, так как благодаря этому могут быть созданы островки мира, которые, возможно, сольются воедино.

Проводимая евангелической Церковью христианская экуменическая политика, восприятие всех Церквей как единой Церкви Христа, является отправной точкой для каких-либо возможных действий в рамках Церкви с евангелической точки зрения. В особенности это имеет значение для кризиса на Украине, в котором противостоят не только «западное» и «восточное» политическое мышление, но и, соответственно, разные «культуры», которые Церкви разделяют и поддерживают. Например, в этой ситуации мог бы оказаться плодотворным диалог, проводимый уже в течение десятилетий Евангелической Церковью Германии с Русской Православной Церковью. Однако он остался слишком абстрактным и в недостаточной степени проник в сознание верующих, чтобы сейчас способствовать взаимопониманию «Запада» и «Востока» на Украине.

Во всяком случае, следует укреплять диалог между «западными» – в том числе, между лютеранами Украины и России – и «восточными» Церквями. Роль, которую должны играть христианские Церкви в государстве и обществе, особенно, во время кризиса, давно должна была бы стать важной темой! Только совместные действия Церквей «Запада» и «Востока» могли бы иметь значение для вновь вспыхнувшего на Украине европейского конфликта между Востоком и Западом. ■

Die Kirchen und die politische Krise

Die große Krise der Ukraine sieht wie das Ergebnis von aktuellen politischen Entscheidungen der Europäischen Union und der Russischen Föderation aus, eines Zweikampfs um die Macht, wie zu Zeiten des Kalten Krieges. Die Krise konnte aber nur entstehen auf der Grundlage historischer und kultureller Spaltungen, für die auch die Kirchen in der Ukraine Verantwortung tragen. In der Ukraine, dem „Grenzland“ mitten in Europa, ist von den politisch Handelnden mit Macht ein alter großer Graben wieder aufgerissen worden, über den besser hätten Brücken gebaut werden sollen. Natürlich gibt es eine Ähnlichkeit zur Lage vor dem Ersten Weltkrieg, als die Handelnden mit einer ähnlichen Blindheit oder einem ähnlichen Fatalismus vorgingen. Ich glaube allerdings nicht, dass auch die weitere Entwicklung einen ähnlichen Weg wie vor hundert Jahren gehen wird.

Vor allem im westeuropäischen politischen und gesellschaftlichen Denken wird davon ausgegangen, dass Kirchen und Religionsgemeinschaften sich von politischem Handeln eher fernzuhalten haben. Lediglich mit Aufrufen zu Frieden, Gerechtigkeit und Versöhnung wenden die Kirchen sich an das Gewissen ihrer Mitglieder und der politisch Handelnden. In der großenteils orthodox geprägten osteuropäischen Tradition sind Kirchen, auch nach ihrer eigener Überzeugung, eher auch Teil der Politik, bis hin zur Dienstbarkeit gegenüber dem Staat.

Ganz selbstverständlich „machen“ die orthodoxen Kirchen Politik, denn sie sehen sich auch als Sachwalter von nationaler Geschichte und Kultur! Für drei Kirchen östlichen Ritus in der Ukraine stehen etwa drei Bevölkerungsteile. Das sind die, mit Schwerpunkt im Westen des Landes, mit dem Papst in Rom verbundene Ukrainische Griechisch-Katholische Kirche, dann die Ukrainische Orthodoxe Kirche – Kiewer Patriarchat, die eine nationale eigenständige Kirche will, und die vor allem im Osten und Süden unter den Russischsprachigen starke Ukrainische Orthodoxe Kirche – Moskauer Patriarchat. Eine als gemeinsame und einheitliche Grundlage wahrzunehmende Kultur und Geschichte ist in der Ukraine schwer zu erkennen. Die drei Kirchen östlichen Ritus in der Ukraine sind vielmehr selbst Ergebnisse der politischen und kulturellen Spaltungen. So ist es ein gutes Zeichen, dass in der gegenwärtigen Krise die drei politisch eher gegensätzlich ausgerichteten Kirchen immer wieder – zusammen mit den anderen, kleineren Kirchen und Gemeinschaften – gemeinsame Worte des Aufrufs zu Frieden und Versöhnung gefunden haben.

Wie können und sollen nach ihrer Lehre und Tradition evangelische, insbesondere lutherische Kirchen auf politische Krisen reagieren, die die Existenz des Landes, in dem sie arbeiten, gefährden? Es ist richtig, sich mit Appellen zum Frieden und zur Versöhnung an das Gewissen der Menschen, insbesondere der Politiker, zu wenden und den Opfern zu helfen. Das Leben und die Würde des einzelnen Menschen und die Liebe unter den Menschen sollen im Mittelpunkt allen Handelns der Kirche stehen! Die Ausrichtung kirchlichen Handelns darauf ist bereits Politik, da dadurch Inseln des Friedens geschaffen werden können, die vielleicht zusammenwachsen.

> **„In der Ukraine ist ein alter großer Graben wieder aufgerissen worden, über den besser hätten Brücken gebaut werden sollen“**

Aber auch die gerade von evangelischen Kirchen betriebene christliche Ökumene, die Wahrnehmung aller Kirchen zusammen als die eine Kirche Christi, ist ein Ansatzpunkt für mögliches kirchliches Handeln aus evangelischer Sicht. Das gilt besonders für die Lage in der Ukraine, in der nicht nur „westliches“ und „östliches“ politisches Denken gegeneinander stehen, sondern die entsprechenden unterschiedlichen "Kulturen" auch von Kirchen geteilt und unterstützt werden. Zum Beispiel der seit Jahrzehnten geführte Dialog der Evangelischen Kirche in Deutschland (EKD) mit der Russischen Orthodoxen Kirche könnte in dieser Situation Früchte tragen. Er ist aber wohl zu abstrakt geblieben und zu wenig in das Bewusstsein der Gläubigen eingedrungen, um jetzt das gegenseitige Verstehen von „West“ und „Ost“ in der Ukraine zu fördern.

Jedenfalls sollte der Dialog zwischen den „westlichen“' Kirchen, darunter auch die Lutheraner der Ukraine und Russlands, und den „östlichen“ Kirchen verstärkt werden. Die Rolle, die die christlichen Kirchen in Staat und Gesellschaft, insbesondere in Zeiten der Gefahr, zu spielen haben, hätte schon lange ein wichtiges Thema sein sollen! Nur ein gemeinsames Vorgehen der Kirchen aus dem „Westen“ und aus dem „Osten“ könnte für den in der Ukraine wieder aufgeflammten europäischen Ost-West-Konflikt Bedeutung haben. ■

Это (не) христианство?

Учение о двух Царствах Мартина Лютера

Антон Тихомиров, ректор Теологической семинарии ЕЛЦ, доктор теологии, Санкт-Петербург

Недавно мне довелось написать статью об этике Мартина Лютера для сборника, большинство авторов и редакторов которого принадлежат к новым протестантским Церквям. Перед публикацией издательство прислало мне откорректированный текст моего материала с пометками редактора. Одной из пометок, касающейся как раз краткого изложения учения о двух Царствах, было: «Это не христианство. Нельзя ли описать всё как-то иначе?». Не могу сказать, что такой комментарий меня сильно удивил. Далеко не все – в том числе и в самой нашей Церкви – осознают это, но учение Мартина Лютера и лютеранства является довольно своеобразным. Своеобразным настолько, что даже представители весьма близких к нам конфессий могут выразиться по тому или иному поводу: «Это уже не христианство!». К числу таких ярких особенностей лютеранского богословия как раз и относится учение о двух Царствах.

Не буду спорить: это учение часто искажалось или неоправданно сужалось, им злоупотребляли в угоду политической конъюнктуре, учением о двух Царствах оправдывалось откровенное зло. Не случайно многие хорошие лютеранские богословы сейчас воспринимают его с некоторым подозрением. Однако именно поэтому нам просто необходимо понять его суть. И не только понять, но и научиться правильно применять его в своей жизни!

Суть же этого вероучения состоит в следующем: Бог «правит, царствует» – а лучше сказать: «действует» в нашем мире – двумя **разными** способами. Это очень важно: разными способами.

Во-первых, он прощает и оправдывает грешников только по своей милости, без всяких условий и требований, абсолютно даром. Весть о таком прощении называется в лютеранском богословии «Евангелием». Обратите внимание: под словом «Евангелие» **в этом специальном смысле** понимаются не четыре книги Нового Завета, носящие такое название, и не всё, что говорил и проповедовал Христос (ведь Он много говорил о заповедях и требованиях, о нормах повседневной жизни). «Евангелие» **в данном случае** означает исключительно Благую Весть о любви Божьей и о том, что Он прощает и спасает грешников только ради Христа, без каких-либо заслуг с их стороны. Пожалуйста, обратите внимание на такое словоупотребление!

Как «работает» Евангелие, показано во многих притчах Христа, например, в притче о работниках в винограднике из 20-й главы Евангелия от Матфея. Там все работники, независимо от затраченного ими времени и приложенных усилий, получают одинаковую плату только потому, что хозяин виноградника «добр». Собственно, поэтому весть Евангелия и является благой: нам сообщается, что мы любимы, прощены и спасены не из-за наших усилий и дел (которых заведомо недостаточно), не из-за нашего совершенства (которого у нас нет), а только по милости Бога. В этом центр и сердце протестантского вероучения!

«Как "работает" Евангелие, показано во многих притчах Христа, например, в притче о работниках в винограднике из 20-й главы Евангелия от Матфея»: Лукас Кранах Старший «Виноградник Господа». Эпитафия из церкви св. Марии в Виттенберге. 1569 год

Лукас Кранах Старший. Фрагмент эпитафии «Виноградник Господа» из церкви св. Марии в Виттенберге. 1569 год

Однако тут же неизбежно возникает серьезная трудность: данную притчу (как и множество других) невозможно применить к повседневной жизни. Ни один даже самый благочестивый христианин не будет платить наемным работникам одинаково. Даже самый верующий хозяин какого-либо предприятия не откажется от того, чтобы уволить нерадивого сотрудника, который появляется на работе лишь на пару часов в неделю. Евангелие в описанном выше смысле никак и никогда не сможет стать принципом экономического или политического устройства.

Евангелие любви Божьей и спасения потому и является чем-то совершенно уникальным, невероятным, что оно идет вразрез со всеми правилами и структурами этого мира, противоречит им. Поэтому, кстати, в него так трудно поверить: нам все время хочется наше спасение «заслужить», «заработать», ибо с детства мы приучены, что «без труда не выловишь и рыбку из пруда». Но Бог дает нам спасение лишь по своей доброте! Мы зависим здесь не от наших стараний, а от Него. В вопросе спасения мы абсолютно пассивны, абсолютно зависимы! А это начисто противоречит принципам нашей повседневной жизни.

«Евангелие любви Божьей и спасения идет вразрез со всеми правилами и структурами этого мира»

Да, в окружающей нас общественной, экономической, политической, во многом даже семейной жизни всё устроено иначе. В этих сферах (пусть и со многими нарушениями, с частыми сбоями, но всё-таки) господствует принцип воздаяния: за добро получаешь награду, за зло – наказание.

А вот это и есть второе «Царство» или второй образ действий Бога. Он так создал этот мир, так устроил его будничную жизнь, что она проходит по этому принципу! Бог, даруя нам вечное спасение исключительно по своей милости, желает, чтобы внутри мирской жизни, на земле всё осуществлялось «по закону». А это значит, что в мире необходимы власти, устанавливающие нормы человеческого общежития, необходимы четкие правила, система поощрений и наказаний и – при необходимости – даже применение насилия.

Вот это и есть учение о двух Царствах.

Повторимся: Бог действует двумя разными способами. Он спасает нас, дарует вечное блаженство только по своей милости. Но земную жизнь Он регулирует, исходя из необходимости определенного порядка, исходя из закона воздаяния. Соответственно, христианин может быть, скажем, судьей, банкиром или полицейским. И это ни в коем случае не будет никаким компромиссом с совестью! Ведь все эти профессии служат сохранению порядка в мире, умножению общего блага и, значит, осуществлению Божьей воли. Если вы судья, то вы не можете уклониться от вынесения приговоров, ссылаясь на слова Христа: «не судите и не будете судимы». Ведь таким образом вы ввергнете окружающий мир в хаос и тем самым принесете людям много зла.

Именно поэтому Лютер считает, что любой честный труд в мире является в полном смысле этого слова богослужением. Ведь он служит общему благу всех людей. Такой труд может быть труден и неудобен, он может внешне противоречить евангельскому принципу всепрощения (как, например, солдатское ремесло), но он необходим ради благополучной жизни людей в этом мире.

Таким образом, как в вопросе вечного спасения нельзя исходить из принципа воздаяния по заслугам, так и в решении земных проблем нельзя опираться на абсолютную любовь и безусловное прощение. Это две разные сферы!

Однако обратим внимание: и та, и другая установлены Богом. И это Один и Тот же Бог. Поэтому принципы, существующие в обеих сферах различны, весьма различны, но не противоположны. И в вечности, и на земле Бог желает одного – блага для человека! Поэтому ценности Евангелия не могут **радикально** отличаться от ценностей «мирского» царства Бога.

Да, у нас не получится «жить по Евангелию». Это попросту невозможно. Ведь Евангелие в том смысле, о котором мы говорим, это не набор

неких – пусть даже самых лучших – правил, а признание Бога в любви к нам. Как можно жить по признанию в любви?! Но в выборе возможного поведения в тех или иных мирских ситуациях нам необходимо помнить об этом Евангелии любви, видеть в нем высшую ценность. Если вы когда-то влюблялись и с восторгом слышали адресованное вам самим признание в любви, то вы помните, как в такой момент меняется ваше видение мира, ваша оценка ситуации. Нет, признание в любви, сама ваша любовь не становятся неким новым «правилом поведения», но они делают вас добрее, радостнее, терпимее, светлее. Примерно так и должно быть с христианами.

«В решении земных проблем нельзя опираться на абсолютную любовь и безусловное прощение»

Учение о двух Царствах – это не попытка разграничить сферы влияния Церкви и государства, как это часто думают. Оно совсем не об этом. Оно о том, что нельзя смешивать Евангелие и нормы повседневной жизни. Оно о том, что Евангелие нельзя превращать в закон, с одной стороны. А, с другой, что нельзя оправдывать лень и безответственность, уклонение от тяжелых и неприятных решений в земных делах Божьим всепрощением.

В первую очередь сказанное касается церковной жизни. Церковь, будучи провозвестницей Евангелия и мирской организацией, живет одновременно в обоих царствах. Иногда между этими двумя сторонами церковного бытия может возникать напряженность, даже конфликт. Это неизбежно. Задача церковного руководства, да и всех христиан – научиться решать такие конфликты, не прикрываясь лицемерно «христианской любовью» в повседневных вопросах, но и не жертвуя проповедью чистого Евангелия об абсолютной любви Божьей ко всем грешникам, не превращая слова об этой любви в высокую, но пустую декларацию. Этот нелегко. Мы снова и снова будем ошибаться. Но в этом и состоит христианская жизнь: в ошибках, падениях и всё новом и новом покаянии.

Итак, на мой взгляд, учение о двух Царствах, будучи правильно понятым и правильно применяемым, является одним из важнейших элементов христианского вероучения. Не только потому, что оно помогает нам спокойно, без идеологического пафоса, решать проблемы нашей повседневной жизни, но и потому, что защищает Евангелие от превращения его в новый, так или иначе угнетающий человека, закон. ■

Pro et contra

Может ли священнослужитель открыто провозглашать свои политические взгляды и участвовать в политической жизни?

Kann ein geistlicher Amtsträger öffentlich seine politischen Ansichten kundgeben und am politischen Leben teilnehmen?

Сергей Марамзин, пастор общины г. Краснодара

Sergej Maramsin, Pastor der Gemeinde in Krasnodar

На фоне бушующих политических страстей в обществе, любому человеку довольно тяжело оставаться в стороне от политики, поэтому вопрос об этической дозволенности священнослужителю высказывать собственную политическую точку зрения в повседневной жизни, частных беседах с людьми, в социальных сетях и т.п. становится актуальным.

Библия не накладывает четких ограничений на политическую деятельность священнослужителя, но, в то же время, и не призывает его активно отстаивать свою политическую позицию.

Люди, как правило, обращаются к Церкви в поисках ответов на духовные вопросы, ободрения и душевного исцеления. Поэтому **основной**

Vor dem Hintergrund der heftigen politischen Auseinandersetzungen in der Gesellschaft ist es für jeden Menschen ziemlich schwer, sich aus der Politik herauszuhalten. Deshalb wird die Frage aktuell, ob die Ethik es einem geistlichen Amtsträger gestattet, seinen eigenen politischen Standpunkt im Alltag, in Privatgesprächen mit Menschen, in Sozialen Netzwerken usw. zu äußern.

Die Bibel legt keine klaren Begrenzungen der politischen Tätigkeit eines Amtsträgers fest, ruft ihn zugleich aber auch nicht auf, sich aktiv für seine politische Position einzusetzen.

Die Menschen wenden sich normalerweise dann an die Kirche, wenn sie Antworten auf geistliche Fragen, Ermutigung und geistliche Heilung suchen. Deshalb

задачей пастора во все времена было и остается проповедь Слова Божьего. Примером этому может являться деятельность Мартина Лютера: он занимал довольно активную гражданскую позицию и даже временами давал определенные советы власть имущим, как им поступать в той или иной политической ситуации. Но при этом подавляющую часть своих трудов и времени Лютер посвящал изучению и изложению богословских вопросов.

Священнослужителю всегда необходимо помнить о том, что люди в общине могут придерживаться разных политических взглядов на тот или иной вопрос. Поэтому при обсуждении политических вопросов велика вероятность возникновения разногласий между людьми, которые, в свою очередь, могут привнести разделения между прихожанами на межличностном уровне. **Церковь призвана объединять людей вне зависимости от их политических взглядов, она должна оставаться убежищем и местом примирения.**

Служение Слову Божьему – это, прежде всего, служение тем ценностям и принципам, которые оно провозглашает: служение любви, терпению, милосердию, состраданию и миротворчеству. В той же политике священнослужитель призван не отстаивать интересы одной из сторон, не искать правых или виноватых, а противопоставлять любовь – ненависти, истину – лжи, милосердие – жестокости, примирение – вражде. **Священнослужитель призван привносить во все свои дела и слова «жемчужины Небесного Царства».**

К сожалению, все мы склонны к ошибкам. Любая позиция, базирующаяся на выводах из СМИ или человеческих суждениях, даже при кажущейся ее изначально стопроцентной правильности, в итоге может оказаться ошибочной. Поэтому важно, чтобы Слово Божье являлось основой для священнослужителя в его размышлениях и рассуждениях на любые актуальные для общества политические вопросы.

war und ist es zu allen Zeiten die Hauptaufgabe des Pastors, das Wort Gottes zu verkündigen. Als Beispiel dafür kann die Tätigkeit Martin Luthers dienen: Er nahm eine ziemlich aktive Position in der Gesellschaft ein und gab zeitweise sogar den Machthabern bestimmte Ratschläge, wie sie sich in der einen oder anderen politischen Situation verhalten sollten. Dabei widmete Luther aber immer vor allem seine Werke und seine Zeit dem Studium und der Auslegung theologischer Fragen.

Ein Amtsträger muss stets daran denken, dass die Menschen in der Gemeinde unterschiedliche politische Ansichten zu dieser oder jener Frage haben können. Deshalb ist bei der Erörterung politischer Fragen die Gefahr groß, dass Meinungsverschiedenheiten zwischen den Menschen aufkommen, die dann ihrerseits zu Trennungen zwischen Gemeindemitgliedern auf persönlicher Ebene führen können. **Die Kirche ist dazu berufen, die Menschen unabhängig von ihren politischen Ansichten zu einen, sie muss ein Zufluchts- und Versöhnungsort bleiben.**

Der Dienst am Wort Gottes ist in erster Linie ein Dienst an jenen Werten und Prinzipien, die es verkündet: ein Dienst der Liebe, Geduld, Barmherzigkeit, des Erbarmens und Friedenschaffens. In der Politik ist der Geistliche berufen, nicht die Interessen einer Seite zu vertreten, nicht danach zu suchen, wer Recht hat und wer schuldig ist, sondern dem Hass Liebe, der Lüge Wahrheit, der Grausamkeit Barmherzigkeit und der Feindschaft Versöhnung entgegenzusetzen. **Der Geistliche ist berufen, in alle seine Werke und Worte die „Perle des Himmelreiches" einzubringen.**

Leider neigen wir alle dazu, Fehler zu machen. Jede Position, die auf Folgerungen aus den Massenmedien oder auf menschlichen Beurteilungen besteht, kann sich, selbst wenn sie zunächst als hundertprozentig richtig erscheint, letztendlich als verfehlt erweisen. Deshalb ist es wichtig, dass das Wort Gottes für den Amtsträger die Grundlage seiner Gedankengänge und Erwägungen zu jeder politischen Frage ist, die in der Gesellschaft aktuell wird.

«Отделять политику от религии не мудро и не желательно»

Против искусственного отделения политики от теологии высказался президент Всемирной Лютеранской Федерации (ВЛФ) **епископ д-р теол. Муниб А. Юнан** в своем докладе 26 июня 2014 года на Форуме Мартина Лютера в Гладбеке (Германия). По опыту своей Родины – Ближнего Востока – епископ Евангелическо-Лютеранской Церкви в Иордании и на Святой Земле хорошо знает, что такое отделение двух областей и невозможно, и немудро. Политика должна предоставлять пространство для религий, а Церкви – критично сопровождать правительства.

Насколько могут быть согласованы две системы: политика и теология? Как епископу, ему часто рекомендовали полное разделение. Однако он не мог этого принять. «Я родом из места, в котором не может быть отделена религия от политики (…) Отделять политику от религии не мудро и не желательно».

Кроме того, это не соответствовало бы его лютеранской богословской традиции, – говорит Юнан, основываясь на учении о двух Царствах Лютера, которое было вновь представлено Дитрихом Бонхёффером в 1930-е годы.

"Politik und Religion zu trennen ist weder weise noch wünschenswert"

Gegen eine künstliche Trennung von Politik und Theologie rief LWB-Präsident **Bischof Dr. Munib A. Younan** am 26. Juni 2014 in einem Vortrag im Martin Luther Forum Ruhr in Gladbeck (Deutschland) auf. Aus seiner Heimat, dem Nahen Osten, wisse der Bischof der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Jordanien und im Heiligen Land (ELKJHL), dass eine Trennung beider Bereiche weder möglich noch klug sei. Die Politik müsse Raum für Religionen lassen und die Kirchen die Regierungen kritisch begleiten.

Wie weit können die Systeme Politik und Theologie miteinander im Einklang stehen. Oft würde ihm als Bischof eine vollständige Trennung empfohlen. Diese könne er aber nicht akzeptieren. „Ich komme aus einem Kontext, wo Religion und Politik nicht getrennt werden können […] Politik und Religion zu trennen ist weder weise noch wünschenswert." Außerdem entspräche dies nicht seiner lutherischen theologischen Tradition, so Younan. Dies entfaltete er anhand der Zwei-Reiche-Lehre Luthers und deren Wiederaufnahme in den 1930er-Jahren u. a. durch Dietrich Bonhoeffer.

Необходимо помнить, что служение Слова не имеет границ. Сказанное за кафедрой легко преодолевает церковные стены, а слова, произнесенные вне общины, довольно быстро начинают звучать среди прихожан. Поэтому **священнослужителю необходимо осознавать свою ответственность за произносимые им слова как в рамках кафедры, так и вне ее.**

Man muss immer im Gedächtnis behalten, dass der Dienst am Wort keine Grenzen kennt. Was auf der Kanzel gesagt wird, dringt mit Leichtigkeit aus den Kirchenmauern hinaus, und außerhalb der Gemeinde gesprochene Worte ertönen recht schnell auch unter Gemeindemitgliedern. Deshalb **muss ein geistlicher Amtsträger sich seiner Verantwortung für die von ihm ausgesprochenen Worte sowohl im Rahmen der Kanzel als auch außerhalb dieser bewusst sein.**

Энно Хаакс, пастор, генеральный секретарь Фонда Густава Адольфа, Лейпциг

Enno Haaks, Pastor, Generalsekretär des Gustav-Adolf-Werkes, Leipzig

Не так уж просто ответить на этот вопрос, потому что речь идет о необходимости Церкви исполнять свою задачу в обществе и о том, как в Церкви формируется оценка определенных политических событий. И еще вопрос: в каком отношении находится Церковь к актуальной политической расстановке? И – как она может исполнять свою задачу?

К основным признакам Церкви относятся: 1. литургия, 2. мартирия, 3. койнония, 4. диакония. Церковь и ее служители должны наполнять эти слова жизнью согласно поручению проповедовать Слово Божье в контексте мира, справедливости и сохранения творения.

К мартирии относится свидетельство в обществе, то есть выполнение пророческого служения – **исходя из видения Иисусом Царства Божьего, говорить правду в нужное время.** Особенно это необходимо в тех структурах, где отсутствует справедливость: не молчать в соответствии с политическим мэйнстримом и из боязни понести убытки.

Но тогда возникают еще вопросы: что может говорить пастор? Когда? – Когда наступает действительно подходящий момент для этого, так называемый «кайрос»?

Пастор должен осознавать задачу Церкви, стараться слышать Слово Божье, проверять свою совесть в молитве прежде, чем он что-то скажет. **Церковь не вправе идти на поводу у государства, во что бы то ни стало разделяя его точку зрения, и при вопиющей несправедливости она должна ясно указывать на то, что несправедливо.**

Das ist nicht ganz einfach zu beantworten, denn es geht um die Herausforderung der Kirche, ihren Auftrag in der Gesellschaft wahrzunehmen und auch darum, wie eine Urteilsbildung in der Kirche zu einer bestimmten politischen Herausforderung zustande kommt. Und dann noch die Frage: Wie steht die Kirche zu einer gegenwärtigen politischen Konstellation? Und – wie kann sie ihren Auftrag wahrnehmen?

Zu den Grundpfeilern der Kirche gehören: 1. Leiturgia, 2. Martyria, 3. Koinonia, 4. Diakonia. Das hat die Kirche und ihre Diener am Worte mit Leben zu füllen gemäß dem Auftrag, Gottes Wort zu verkünden im Sinne von Frieden, Gerechtigkeit und Bewahrung der Schöpfung.

In den Bereich Martyria gehört das Zeugnis ablegen in einer Gesellschaft, d.h. das prophetische Amt wahrnehmen, **entsprechend der Vision Jesu vom Reich Gottes das Rechte zur rechten Zeit zu sagen.** Das ist insbesondere in Unrechtsstrukturen geboten, sich nicht wegen politischer Mainstreams und aus Furcht, Nachteile zu erleiden, zu schweigen.

Dann die Frage: Was darf ein Pastor sagen? Wann? – Wann ist der richtige Kairos?

Ein Pastor muss sich des Auftrages des Kirche bewusst sein, versuchen auf Gottes Worte zu hören, im Gebet sein Gewissen zu prüfen, ehe er dann sagt, was dran ist. **Kirche darf sich nicht mit dem Staat gemein machen, die gleichen Meinungen vertreten, und bei klarem Unrecht soll sie deutlich machen, was falsch ist.**

Где Бог?

Мы стоим у окна.
Мы смотрим на улицу.
Мы хотим увидеть Тебя, Боже.

От Тебя происходит стекло,
Через которое мы смотрим.
Ты – в стекле.

Ты послал каплю воды,
Которая стекает по раме.
Ты – в капле воды.

Ты создал бабочку,
Которая села на раму.
Ты – и в этой бабочке.

Ты посылаешь ветер,
Который врывается в комнату,
Когда мы открываем окно.
Ты – в ветре.

Когда ветер усиливается,
Мы закрываем окно:
Ты создал руку,
Которая его закрывает.

Но самое главное:
Стекло и капля дождя,
Бабочка и ветер,
И сам я –
Все вместе мы в Твоей руке.

Аминь.

(Хайди и Йорг Цинк)

Старушка, которая ждала Бога

Цыганская сказка

Жила-была одна пожилая женщина, которой Бог пообещал навестить ее. Ах, дорогие друзья, она немало гордилась этим! Она натерла, начистила, напекла, накрыла на стол. И затем начала ждать Бога.

«Тук-тук-тук», – послышалось за дверью. Старушка немедленно отворила, но когда она увидела, что снаружи стоит бедный попрошайка, она сказала:

«Нет, ради Бога, иди своей дорогой! Я как раз сейчас жду Бога, я не могу тебя принять!».

Так она оправила попрошайку восвояси и захлопнула за ним дверь.

Через некоторое время снова раздался стук. Старушка открыла еще быстрее, чем в первый раз. Но кого она увидела снаружи? Только лишь бедного, пожилого человека.

«Ах, я жду Бога. Правда, я не могу тебя принять!».

Сказала это и захлопнула дверь у старика перед носом.

Но вскоре снова постучали в дверь. Но когда старушка открыла – кто стоял там? Опять оборванный и голодный попрошайка, который настойчиво просил немного хлеба и приюта на ночлег.

«Ах, я ожидаю Бога! Не могу принять тебя!».

И бедняк вынужден был брести дальше, а старушка начала ожидать заново. Время шло час за часом. Близился вечер, а Бога всё еще было не видать. Старушка становилась всё грустнее. Где же Бог? В конце концов, расстроенная она пошла спать. Вскоре она заснула, но во сне увидела Бога. Она сказал ей:

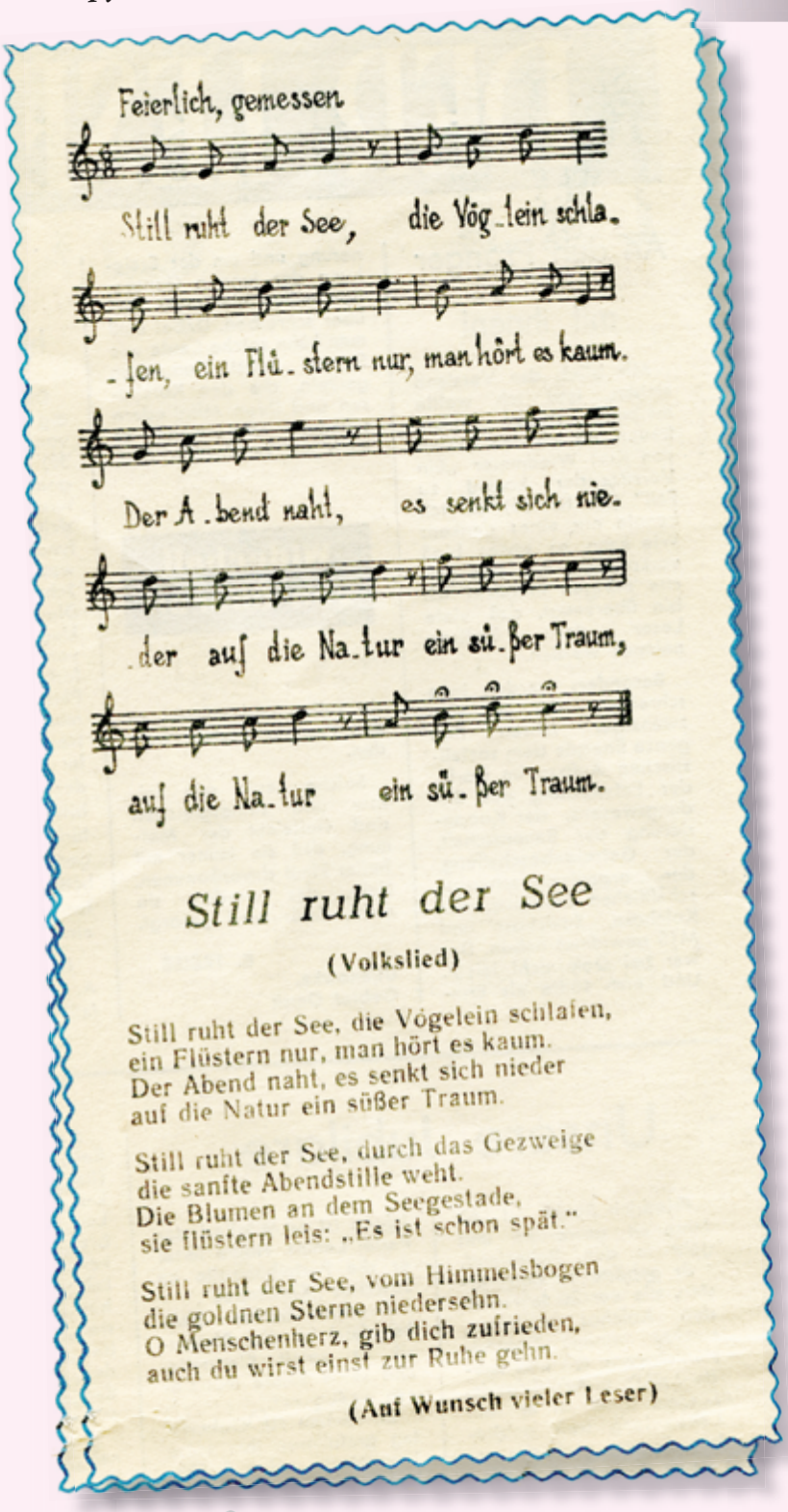
«Трижды я стучался к тебе, и трижды ты прогоняла меня!».

С тех пор мы, цыгане, принимаем всех, кто приходит к нам. Ведь откуда мы можем знать, кто это? А нам не хотелось бы прогнать Бога!

(Из книги: „Der Vogel Glück. Ein Arbeits- und Vorlesebuch: Märchen. Zur religiösen Erziehung“. Herausg. Von Dietrich Steinweide.)

Эту колыбельную пели перед сном в семье героини одного из наших материалов Эдит Эмильевны Мютель. Пела ее прабабушка Эдит Эмильевны, жившая в Петербурге. Пела эту песню и ее мама своим четырем детям, прежде чем они ложились в кровать и читали молитву.

Когда семья Эдит Эмильевны в 1941 году должна была покинуть Саратов, в последний вечер тетя – сестра отца села за пианино, и все вместе запели в последний раз эту и другие любимые песни детства.



Still ruht der See

(Volkslied)

Still ruht der See, die Vögelein schlafen,
ein Flüstern nur, man hört es kaum.
Der Abend naht, es senkt sich nieder
Auf die Natur ein süßer Traum.

Still ruht der See, durch das Gezweige
Die sanfte Abendstille weht.
Die Blumen an dem Seegestade,
Sie flüstern leis: "Es ist schon spät."

Still ruht der See, vom Himmelsbogen
Die goldnen Sterne nieder sehn.
O Menschenherz, gib dich zufrieden,
auch du wirst einst zur Ruhe gehn.

Озеро спит

(немецкая народная песня.
Перевод Натальи Краубнер)

Озеро спит, птицы умолкли,
Шелест листвы слышен едва.
Вечер укрыл сосны и елки,
Сладкие сны прячет трава.

Озеро спит. Сквозь ветви нежно
Вечер проник легкой волной.
Шепчут цветы на побережье:
«Спать нам пора», – вторит прибой.

Озеро спит. На небосводе
Будут всю ночь звезды сиять.
Сердце мое, бейся свободно,
Чтобы в пути не перестать.

Притча о богатом человеке

Чтобы получить картинку на сюжет из Евангелия от Луки (12,16-21), соедини все точки на картинке и раскрась ее!

«Солидарность»: без веры не было бы победы

"Solidarność": ohne Glauben gäbe es keinen Sieg

Оппозиция 1980-х годов не ограничивалась в Польше, как это было в других странах региона, узкой интеллектуальной элитой. Она была очень широким, живым и активным движением. Ее историю можно представить в пяти фазах:

1. **Фаза формирования. 1979-30.08.1980** – первый визит Папы Римского Иоанна Павла II в Польшу; забастовки, прежде всего, в судостроительной индустрии: Гданьск, Гдыня, Щецин.

30.08.1980 – подписание первых соглашений с коммунистической властью и регистрация **свободного** профсоюза (10.11.1980).

2. **10.11.1980-12.12.1981.** Польша – **анклав свободы** в странах бывшего Восточного блока.

3. **13.12.1981-22.07.1983.** Чрезвычайное политическое положение, названное также военным положением, введенное армией (под руководством недавно умершего генерала Войцеха Ярузельского). «Солидарность» находится в подобном зимней спячке состоянии интернирования и постепенно уходит в подполье. Постоянное открытое и тайное сопротивление режиму.

4. **1983-1989.** «Солидарность» как подпольное движение. Эта фаза знаменательна мученической смертью блаженного Ержи Попелюшко, католического капеллана «Солидарности» (19.10.1984).

5. С июня **1989** года Свободный профсоюз снова разрешен.

Малгожата Гживач, доктор исторических и культурологических наук, член Синода Евангелическо-Аугсбургской Церкви в Польше, Познань

Dr. Małgorzata Grzywacz, Mitglied der Synode der Evangelisch-Augsburgischen Kirche in Polen, Poznań

Die Opposition der 1980er Jahre beschränkte sich in Polen nicht wie in den übrigen Ländern der Region auf eine schmale intellektuelle Elite. Es war eine sehr breite, lebendige und aktive Bewegung. Ihre Geschichte lässt sich in fünf Phasen darstellen:

1. **Formierungsphase 1979** bis **30.08.1980** – der erste Besuch des Papstes Johannes Paul II. in Polen, Streiks vor allem in der Werft- und Schiffsindustrie, Gdansk, Gdynia, Szczecin.

30.08.1980 – Unterzeichnung der ersten Vereinbarungen mit der kommunistischen Staatsgewalt und behördliche Registrierung einer freien Gewerkschaft (10.11.1980).

2. **10.11.1980** bis **12.12.1981** – Polen als **Enklave der Freiheit** unter den Ländern des ehemaligen Ostblocks.

3. **13.12.1981** bis **22.07.1983** – politischer Ausnahmezustand, auch Kriegszustand genannt, eingeführt durch die Militärs (unter der Führung des jüngst verstorbenen Generals Wojciech Jaruzelski). Die "Solidarność" befand sich nun in einer quasi winterschlafähnlichen Situation der Internierung und ging allmählich in den Untergrund, permanente offene und geheime Kämpfe gegen das Regime.

4. **1983** bis **1989** – "Solidarność" als Untergrundbewegung, in diese Phase fällt das Martyrium und der Tod des Seligen Jerzy Popieluszko, des katholischen Kaplans der "Solidarność" (19.10.1984).

5. Seit Juni **1989** wird die Freie Gewerkschaft wieder offiziell zugelassen.

«Солидарность» – независимый польский профсоюз, основанный в 1980 году после общественных волнений и ставший важнейшей силой политической трансформации в Польше. С 1981 года официально запрещен. До 1989 года работал в подполье и затем вел политическую деятельность как общественный комитет. Его председатель Лех Валенса после политических перемен был избран президентом Польши (1990-1995).

"Solidarność" – [poln.: Solidarität] Unabhängige polnische Gewerkschaft, die 1980 nach sozialen Unruhen gegründet wurde und wichtigste Kraft der politischen Transformation in Polen war. Seit 1981 offiziell verboten, arbeitete sie bis 1989 (nur teilweise verborgen) im Untergrund und war danach als Bürgerkomitee politisch tätig. Ihr Vorsitzender Lech Wałęsa wurde nach der politischen Öffnung zum Staatspräsidenten Polens gewählt (1990–1995).

«Девица С.»

В каждой из этих фаз были деятельны женщины. На первом и втором этапе они составляли более половины активов движения и профсоюза. Следует обратить внимание на важные региональные отличия в отношении экономического и социального устройства коммунистической Польши. В больших городах (например, в Варшаве, Познани, Данциге) в 1982 году в структурах было больше женщин, чем мужчин. Интернированные в лагерь Белоленка, во время военного положения 1981-1982 гг. они представляли интеллектуальную элиту движения.

> **Церкви стали местом убежища для преследуемых**

Этап подполья был временем более слабой активности женщин – прежде всего из-за постоянной опасности: коммунистические власти угрожали отобрать детей, лишить гражданства ит.п. В это время возникает класс так называемых «сетевых» – женщины создавали сети контактов, чтобы определять соответствующие потребности и по возможности оказывать помощь. В подпольном движении женщины редко были на ведущих позициях. Слово «солидарность» в польском языке женского рода. Иногда профсоюз даже называли «девицей», **«девицей С.».**

В 1983-1988 годах оказалось, что «девица С.», собственно, является мужчиной, так как многие мужчины взяли тяготы этого времени на себя, тогда как их жены оставались дома.

Большинство из бывших в первых трех фазах членами профсоюза уже более не были после 1989 года активными общественными деятелями в Польше. Конечно, были исключения: участницы первых забастовок, такие как Анна Валентинович, Анна Пеньковская и Генрика Кживонос. После трансформаций 1990-х годов и усиливающейся плюрализации политической и социальной жизни в Польше изменился также и профсоюз. Сегодня «Солидарность» насчитывает около 600 тысяч членов, 37% из которых составляют женщины. Публикация автобиографического материала Дануты Валенса (2012) вызвала большой интерес и вопросы о «женском лице» «девицы С».

Благодаря этому стали актуальными до этого не обсуждавшиеся проблемы: исторические сведения о движении, называющемся «Солидарность», в Польше очень ограничены. Это касается и женской проблематики движения. Абсолютно неолиберальная парадигма перемен в Польше ставит существование профсоюзов под давление легитимации. Профсоюзная деятельность как таковая рассматривается в ней, прежде всего, как помеха в демократическом процессе. Функционирующий в рамках сегодняшнего профсоюза женский комитет старается пропагандировать новый образ профсоюзов и их женского лидерства. Среди прочего усиливается присутствие женщин в органах управления, а также в протестных и забастовочных акциях.

Христианское происхождение профсоюза «Солидарность» оказывает сегодня, во время постепенно прогрессирующей секуляризации, влияние на количество его членов.

«Мы думали, независимость надолго»

Я родилась в 1962 году и с 1981 года принадлежу движению «Солидарность». Будучи студенткой, я принимала участие в бесчисленных забастовочных акциях в моем университете. Мы были первыми студентами, не изучавшими политических предметов в рамках нашей программы: никакой политической экономики социализма, больше иностранных языков – университет вкусил свободы. Мы ценили это. У движения «Солидарность» была также и студенческая инициатива – она называлась «Независимый студенческий союз». Мы думали, независимость теперь надолго, но вскоре, 13 декабря 1981 года, было установлено военное положение. Кто не жил в тогдашней Польше, не сможет себе даже представить, каково это, когда на улицах тебя регулярно контролируют, чувствуешь себя подозреваемым в преступлении, которого не совершал.

Во время военного положения усилились религиозные компоненты «Солидарности». Это было результатом, прежде всего, тех обстоятельств, что церкви стали местом убежища для преследуемых. Нет необходимости отдельно говорить о роли католицизма и послания свободы Папы Иоанна Павла II, ведь к католической Церкви принадлежало большинство общества. Более малочисленным конфессиям приходилось куда тяжелее. Из-за относительно небольшого числа прихожан удавалось держать их под тотальной слежкой, но они зачастую мужественно выдерживали это. Большую известность получила экуменическая дружба двух женщин – лютеранской диаконисы сестры Регины Витт и католической монахини-францисканки сестры Иоганны Лоссов. В самые черные дни они организовывали экуменические часы, во время которых молились о единстве христиан и о мире в стране и на всей земле.

13 декабря 1981 года было установлено военное положение…

Am 13 Dezember 1981 kam der Kriegszustand…

„Fräulein S."

In jeder dieser Phasen engagierten sich Frauen. In der ersten und zweiten Etappe bildeten sie mehr als die Hälfte der Aktiven der Bewegung und der Gewerkschaft. Zu beachten sind wichtige Regionalunterschiede im Hinblick auf die wirtschaftliche und soziale Struktur des kommunistischen Polens. In den Großstädten (z. B Warschau, Posen, Danzig) gab es im Jahre 1982 mehr Frauen als Männer in den Strukturen. Interniert im Lager von Białołęka stellten sie während des Kriegszustandes 1981/1982 die intellektuelle Elite der Bewegung dar.

Die Untergrundetappe bildet eine Zeit der schwächeren Aktivität der Frauen – vor allem wegen der permanent drohenden Gefahren: Die kommunistischen Machthaber drohten mit dem Wegnehmen von Kindern, mit Zwangsausbürgerung, etc. In dieser Zeit entsteht eine Klasse von sog. „Vernetzten" – die Frauen bauen Kontaktnetze aus, um entsprechende Bedürfnisse zu sondieren bzw. Hilfe zu leisten. In der Untergrundbewegung hatten die Frauen selten die Leitungspositionen inne. „Solidarität" hat in der polnischen Sprache einen weiblichen Artikel, ist feminin. Manchmal nannte man deshalb die Gewerkschaft auch ein Fräulein, "Fräulein S".

In den Jahren 1983-1988 zeigte sich, dass Fräulein S. eigentlich ein Mann war, weil viele Männer die Strapazen dieser Zeit auf sich nahmen und ihre Gattinnen oft zu Hause blieben.

Die meisten Mitglieder der Gewerkschaft in den ersten drei Phasen wurden nicht zu aktiven sozialen Akteuren in Polen nach 1989. Es gab natürlich Ausnahmen: die Teilnehmerinnen der ersten Streiks, wie z.B. Anna Walentynowicz, Anna Pieńkowska und Henryka Krzywonos. Nach den Transformationen der 1990er und einer immer stärkeren Pluralisierung des politischen und sozialen Lebens in Polen veränderte sich auch die Gewerkschaft. Heute zählt die "Solidarność" ca. 600 000 Mitglieder, davon sind 37% Frauen. Die Publikation des autobiographischen Materials durch Danuta Wałęsa (2012) rief großes Interesse hervor und warf Fragen nach dem „Frauengesicht" von Fräulein S. auf.

Dadurch traten noch nicht durchdiskutierte Probleme zutage: Das historische Wissen um die Bewegung, die "Solidarność" heißt, ist in Polen sehr beschränkt. Dies betrifft auch die Frauenproblematik dieser Bewegung. Das gänzlich neoliberale Paradigma der Veränderungen in Polen stellt die Existenz von Gewerkschaften unter Legitimationsdruck. Die „Gewerkschaftlichkeit" als solche wird darin vor allem als ein Störungsfaktor im demokratischen Prozess angesehen. Der im Rahmen der heutigen Gewerkschaft bestehende Frauenausschuss versucht ein neues Selbstbild der Gewerkschaften und ihres Frauenleaderships zu propagieren. Unter anderem wird dabei die Präsenz der Frauen in den Entscheidungsgremien und den Protest- und Streikaktionen gestärkt.

Die christliche Herkunft der Gewerkschaft "Solidarność" wirkt sich in der Zeit der schleichend fortschreitenden Säkularisierung auf die Mitgliederzahlen aus.

Лидер «Солидарности» Лех Валенса (справа) и Папа Римский Иоанн Павел II. Гданьск, 11 июня 1987 года

Leiter der "Solidarność" Lech Wałęsa und Papst Johannes Paul II. Gdańsk, 11 Juni 1987

„Wir dachten, die Unabhängigkeit würde dauern"

Ich bin Jahrgang 1962 und gehöre seit 1981 der "Solidarność" an. Als Studentin nahm ich an zahlreichen Streikaktionen an der Universität, an der ich studierte, teil. Wir waren die ersten Studierenden, die keine politischen Fächer im Rahmen des Studiums hatten: keine politische Ökonomie des Sozialismus, mehr Fremdsprachen. Die Universität atmete Freiheit. Das wussten wir zu schätzen. Die Bewegung "Solidarność" hatte auch eine Studenteninitiative – die nannte sich „Unabhängiger Studentenbund". Und wir dachten, die Unabhängigkeit würde sehr lange dauern, und dann kam am 13 Dezember 1981 der Kriegszustand. Niemand, der nicht im damaligen Polen gelebt hat, kann sich überhaupt vorstellen, was es heißt, wenn man oft auf offener Straße kontrolliert wird; man fühlte sich eines Verbrechens bezichtigt, obwohl man keines begangen hatte.

„Die Kirchen waren Orte der Zuflucht für Verfolgte geworden"

Während des Kriegsrechtes vertiefte sich auch die religiöse Komponente der "Solidarność". Dies resultierte vor allem aus dem Umstand, dass die Kirchen Orte der Zuflucht für Verfolgte geworden waren. Die Rolle des Katholizismus und die Freiheitsbotschaft des Papstes Johannes Paul II. brauche ich hier nicht zu unterstreichen, katholisch war auch die Mehrheit der Gesellschaft. Die kleineren Konfessionen hatten es viel schwerer. Aufgrund ihrer Mitgliederzahlen wurden sie sehr stark ausspioniert, haben es aber oft tapfer durchgehalten. Sehr bekannt wurde die ökumenische Freundschaft von zwei Frauen – der lutherischen Diakonisse Sr. Regina Witt und der katholischen Franziskanerin Sr. Johanna Lossow. Die Beiden organisierten in den dunkelsten Tagen jener Zeit ökumenische Stunden, während derer für die Einheit der Christen und den Frieden im Lande und in der Welt gebetet wurde.

Die polnische Kultur hatte damals ein sehr ausgebautes System von „Samizdat" (Selbstverlags)-Publikationen entwickelt. Eine parallel zum offiziellen Kulturbetrieb funktionierende Welt. Illegal erschienen sehr viele Bücher, darunter auch sehr gute christliche

В то время в польской культуре образовалась сильно развитая система самиздатовских публикаций. Это был мир, функционирующий параллельно с официальной культурой. Нелегально на свет появилось множество книг, среди которых была также и очень хорошая христианская литература. Тогда я познакомилась с личностями Дитриха Бонхёффера и Эдит Штайн. Оба стали моими спутниками на будущие годы. Как евангелическая христианка я была рада наконец открыть для себя кого-то, кто не устрашился Гитлера и его главарей. Бонхёффер стал героем целого поколения. Его биография, изданная Анной Моравской, произвела на нас очень интенсивное воздействие. Об этом оказанном на нас влиянии Бонхёффера не так давно была написана диссертация в варшавском университете.

Убийство священника спецслужбами в Польше было шоком для нас

С темой Эдит Штайн в моем случае было сложнее. В Польше тогда почти не было литературы о евреях – «белое пятно». В 1980-е годы Эдит Штайн была беатифицирована Папой Иоанном Павлом II. Это имело далеко идущие последствия для моего жизненного пути: после 1989 года я училась во Фрайбурге-в-Брайсгау, в том же самом месте, где будущая покровительница Европы* когда-то сидела на университетской скамье.

Убийство спецслужбами в Польше священника Ержи Попелюшко было шоком для нас. Это произошло в октябре 1984 года и стало выражением как старой, так и новой истины этих дней: с коммунистами шутки плохи (многие жертвы военного положения по сей день ждут возмещения ущерба, а погибшие – полной реабилитации), а радикальное христианство может стоить жизни. Молитвы после похищения Попелюшко не прекращались. Все церкви были постоянно открыты, люди молились беспрерывно и надеялись, что ненавистный коммунистам проповедник свободы вернется живым. Произошло обратное, и люди продолжали молиться. Тогда «Солидарность» стала для меня в значительной степени религиозным движением.

То, что это не могло продолжаться долго, понимали многие. Ведь мы были «сборной солянкой» из разных течений и мнений, и разделяющим фактором была политика, не религия. Но без компонентов веры невозможно осмыслить лишь частичную победу 1989 года. И если бы тогда не верили в победу, эта история могла бы получить другое развитие.

Многие оставили движение – так как из него возникли политические партии. Выкристаллизовалось лишь ядро, профсоюз. Он носит глубоко христианский характер и защищает христианские ценности среди яркого ландшафта профессиональных объединений Евросоюза.

Много лет я организую в моем университете в Познани семинары об истории и современности «Солидарности». Со студентами мы всегда совершаем поездки в Гданьск, где когда-то всё началось. Одновременно мы вспоминаем и о фактически первых выступлениях против коммунистической несвободы. Это было в 1953 году в Восточном Берлине и в 1956 году в Будапеште и Познани. И мы осознаем, что свобода является неотъемлемой ценностью каждого человека, потому что «свободу даровал нам Христос» (Гал. 5,1). Это были времена реформаторского переворота. Для меня, лютеранки из Польши, «Солидарность» всегда обладала этими протестантскими компонентами. И я очень рада этому. ■

* *В 1998 году Эдит Штайн (Тереза Бенедикта Креста) была канонизирована Иоанном Павлом II и сегодня в католической традиции считается покровительницей Европы.*

Демонстрация «Солидарности» в Гданьске в мае 1988 года

Demonstration der "Solidarność" in Gdańsk im Mai 1988

Literatur. Damals lernte ich Dietrich Bonhoeffer und Edith Stein kennen. Beide wurden zu meinen Begleitern für die nächsten Jahre. Als Evangelische freute ich mich, endlich jemanden zu entdecken, der sich vor Hitler und seinen Machthabern nicht gefürchtet hatte. Bonhoeffer wurde zum Helden einer ganzen Generation. Seine Biographie, von Anna Morawska herausgegeben, wirkte auf uns sehr intensiv ein. Über diesen Einfluss Bonhoeffers auf uns entstand neulich sogar eine Doktorarbeit an der Universität in Warschau.

Das Thema um Edith Stein erwies sich in meinem Falle etwas schwieriger. In Polen gab es damals kaum Literatur über die Juden, ein weißer Fleck. In den 80ern wurde Edith Stein vom Papst Johannes Paul II. selig gesprochen, und das hatte auch weitreichende Konsequenzen für meinen persönlichen Lebensweg: Ich studierte nach 1989 in Freiburg im Breisgau, am selben Ort, wo die spätere Mitpatronin Europas auch die Universitätsbank gedrückt hatte.

Die Ermordung des Priesters Jerzy Popiełuszko durch die Geheimdienste in Polen war für uns ein Schock. Das geschah im Oktober 1984 und brachte auch eine alte und zugleich neue Dimensionen dieser Tage zum Ausdruck: Mit den Kommunisten ist nicht zu spaßen (viele Opfer des Kriegszustandes warten bis heute auf ihre Entschädigung, Tote auf volle Rehabilitierung), und ein radikales Christentum kann auch ein Lebensopfer einfordern. Die Gebete, nachdem Popiełuszko entführt worden war, hörten nicht auf. Alle Kirchen waren permanent offen, die Leute beteten ununterbrochen und hofften, dass der von den Kommunisten gehasste Prediger der Freiheit lebendig zurückkehren würde. Das Gegenteil trat ein und die Leute beteten weiter. Damals war "Solidarność" für mich auch eine riesige religiös getragene Bewegung geworden.

Dass es auf die Dauer nicht so bleiben konnte, ahnten viele. Denn wir waren ein Sammelbecken von sehr vielen Strömungen und Meinungen, und das Trennende bildete die Politik, nicht die Religion. Aber ohne die Glaubenskomponente kann man den z. T. nur partiellen Sieg von 1989 gar nicht nachvollziehen. Wenn man damals nicht an den Sieg geglaubt hätte, wäre diese Geschichte vielleicht auch anders verlaufen.

„Die Ermordung des Priesters durch die Geheimdienste in Polen war für uns ein Schock"

Viele haben die Bewegung verlassen – denn aus ihr entstanden politische Parteien. Es kristallisierte sich nur der Hauptkern, die Gewerkschaft, heraus. Sie hat einen durch und durch christlichen Charakter und vertritt christliche Werte in der bunten Landschaft der Gewerkschaften der Europäischen Union.

Seit mehreren Jahren veranstalte ich an meiner Posener Universität Seminare zur Geschichte und Gegenwart der "Solidarność". Wir fahren mit den Studierenden immer nach Gdańsk, wo alles seinen Anfang hatte. Gleichzeitig erinnern wir uns aber an die tatsächlich ersten Erhebungen gegen die kommunistische Unfreiheit. Das war 1953 in Ostberlin und 1956 in Budapest und Poznań, und wir stellen fest, dass die Freiheit ein unveräußerlicher Wert eines jeden Menschen ist, denn „zur Freiheit hat uns Christus befreit" (Gal 5,1). Es sind Zeiten eines reformatorischen Umbruchs gewesen, für mich, eine Lutheranerin aus Polen, hat "Solidarność" immer diese protestantische Komponente, und ich bin darüber sehr froh. ■

«Вера несла и спасала»

Эдит Эмильевна Мютель – прихожанка общины св. Анны и св. Петра в Санкт-Петербурге. Она родилась в 1919 года в Петрограде. Ее отец Эмиль Пфайфер служил пастором в церкви св. Анны, а затем на Волге в Норке. Только в 1956 году Эдит Мютель вернулась в родной город. Воспоминания Эдит Мютель – книга на немецком языке „An Gottes Hand“ – были опубликованы в 2013 году в Германии по инициативе и при поддержке Фонда Густава Адольфа. Сегодня Эдит Эмильевна готовит книгу воспоминаний на русском языке. Мы предлагаем Вашему вниманию небольшой отрывок из готовящейся книги и беседу с автором. Этот материал раскрывает еще одну грань темы нашего номера: как вера укрепляет отдельного человека, ставшего жертвой политического режима.

Эдит Эмильевна, не все наши читатели имеют или читали Вашу книгу. Не все знакомы с Вашей жизненной историей. Расскажите вкратце о себе. Когда Вы должны были покинуть Норку и Саратов, отправиться в Сибирь? Как Вы в эти суровые годы не очерствели душой и сохранили Ваш оптимизм?

Я начну с Норки. Потому что в Норке мы получили основу веры и религии. Мы очень тесно были связаны с общиной. Оглядываясь назад, могу сказать, что в Саратове мы были отдалены от общины, а в Норке мы переживали всё вместе с общиной.

Деревенская община более сплоченная. Это нам помогало – то, что мы получили с раннего детства. Это было с 1927 по 1932 год. Мне было тогда 8-10 лет. Мы всегда были в общине. Мы были на крестинах, на свадьбах, на похоронах. То есть мы жили вместе с общиной, мы знали людей. Мы были в церкви, и нас люди знали. Сейчас много говорят о братьях и сестрах – Betbrüder und Betschwestern – они оставили в моей жизни очень глубокий след. Они меня многому научили, и не только меня. Это были люди действительно глубоко верующие. И это завораживало. Они принимали Библию, все ее изречения буквально, как живое; у них Библия жила.

То есть Библия была для них не только теорией, но и практикой. Они жили по Библии…

Да, они жили по Библии. И это была та основа, которая нас вела по жизни. Отец был там пастором. Я помню его проповеди, пусть и не все, но основное осталось в памяти. И это нам помогало. Потому что были раскулачивания. Людей

Мы почти два года – с лета 1930 года, когда отца первый раз арестовали – жили так, что у наших кроватей на стульях всегда была положена наготове одежда и обувь, потому что всегда могли ночью поднять

Эдит Мютель читает отрывки из своей книги на презентации в феврале 2013 года

Edith Müthel liest aus ihrem Buch bei der Präsentation in Februar 2013

"Der Glaube war Halt und Rettung"

Edith E. Müthel ist Mitglied der St. Annen- und Petrigemeinde in St. Petersburg. Sie wurde 1919 in Petrograd geboren. Ihr Vater Emil Pfeiffer war Pastor in der St. Annenkirche und später an der Wolga im Ort Norka. 1956 kam sie in ihre Heimatstadt zurück. Edith Müthels Erinnerungen – das Buch „An Gottes Hand" in deutscher Sprache – wurden 2013 in Deutschland auf Initiative und mit Unterstützung des Gustav-Adolf-Werks veröffentlicht. Jetzt arbeitet Edith Müthel daran, ihre Erinnerungen auch auf Russisch in ein Buch zu fassen. Wir stellen Ihnen einen kurzen Auszug aus dem Manuskript und ein Gespräch mit der Autorin vor. Dieses Material zeigt noch eine Facette des Themas unseres Heftes: wie der Glaube einen einzelnen Menschen stärkt, der zum Opfer des politischen Regimes wurde.

Frau Müthel, nicht alle unsere Leser haben Ihr Buch oder haben es gelesen. Nicht alle kennen Ihre Lebensgeschichte. Könnten Sie kurz etwas über sich erzählen? Wann mussten Sie Norka und Saratov verlassen und nach Sibirien gehen? Wie haben Sie es geschafft, in diesen harten Jahren nicht abzustumpfen, und wie haben Sie Ihren Optimismus bewahrt?

Ich beginne einmal mit Norka. Denn in Norka wurde der Grund unseres Glaubens und unserer Religion gelegt. Wir waren sehr eng mit der Gemeinde verbunden. Im Rückblick kann ich sagen, dass wir in Saratov der Gemeinde fern standen, aber in Norka haben wir alles mit der Gemeinde mitempfunden.

Eine Dorfgemeinde hat mehr Zusammenhalt. Das half uns – das, was wir von der frühen Kindheit an mitbekommen hatten. Das war von 1927 bis 1932. Ich war damals 8-10 Jahre alt. Wir waren immer in der Gemeinde. Wir waren bei Taufen, Hochzeiten und Beerdigungen dabei. Also lebten wir mit der Gemeinde. Wir kannten die Menschen. Wir waren in der Kirche, und die Menschen kannten uns. Heute wird viel von Betbrüdern und Betschwestern gesprochen – die haben mein Leben tief geprägt. Das waren wirklich tief gläubige Menschen. Und das faszinierte. Sie nahmen die Bibel, jede ihrer Aussagen, wörtlich, als etwas Lebendiges. Bei ihnen lebte die Bibel.

Also war die Bibel für diese Menschen nicht nur Theorie, sondern auch Praxis. Sie lebten nach der Bibel.

Ja, sie lebten nach der Bibel. Und das war die Grundlage, die uns durchs Leben führte. Und mein Vater war dort Pastor. Ich erinnere mich noch an seine Predigten, wenn auch nicht an alle, aber das Wesentliche blieb im Gedächtnis haften. Und das half uns. Denn dann kam die Enteignung, Menschen wurden nachts abgeholt. An unseren Fenstern vorbei wurde im Winter bei Frost auf einem Schlitten eine ganze Familie weggebracht, man konnte Weinen und Stöhnen hören. Das war schrecklich. Die Menschen haben ja all das ausgehalten. Und wir trauerten mit der Gemeinde, mit allen, die uns umgaben.

Wir lebten fast zwei Jahre – ab Sommer 1930, als unser Vater zum ersten Mal verhaftet wurde – so, dass an unseren Betten auf Stühlen Kleidung und Schuhe bereit lagen, weil wir jederzeit nachts aufgescheucht werden konnten

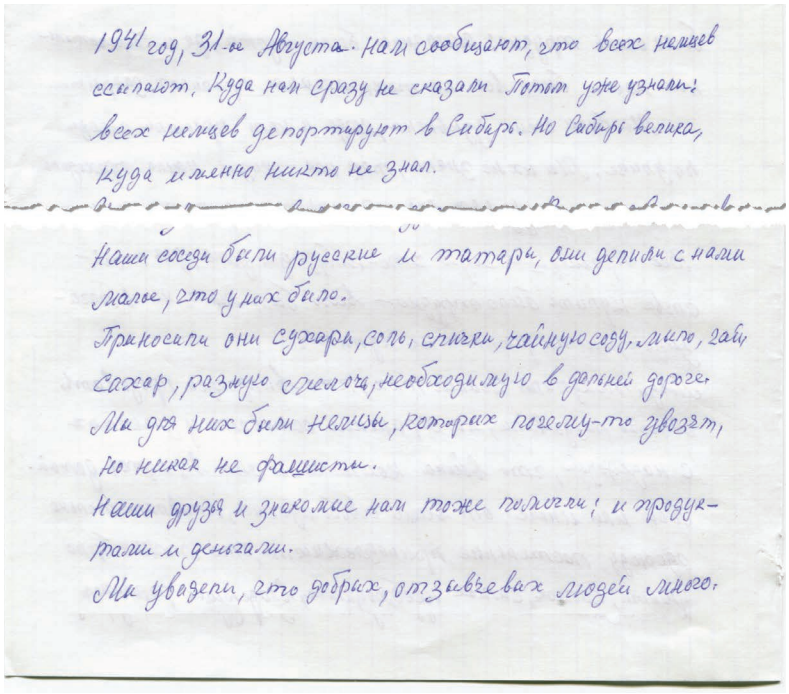
Und die Stadt ist eben Stadt. Dort gab es sehr viele lutherische Deutsche. Und wir konnten uns irgendwie nicht in diese Gemeinde hineinfinden. Vielleicht war sie anders, städtisch, es war eine Distanz da. Wir trafen die Gemeinde nur zum Gottesdienst. Auf dem Dorf waren wir immer mit den Bauernkindern zusammen gewesen – zusammen auf der Tenne, zusammen auf dem Feld.

Im Februar 1932 zogen wir nach Saratov. Margarete wurde vor mir dorthin gebracht. Danach wurde ich allein – als elfjähriges Mädchen – mit fremden Leuten auf den Weg geschickt. Und zwei Tage lang übernachtete ich irgendwo, man gab mir zu essen, ich erinnere mich nicht an die Menschen, ich kenne sie nicht. Der Fahrer war aus der Gemeinde in Norka. Das war ein Mann, auf den man sich verlassen konnte. Ich weiß noch, dass ich nicht aus dem Schlitten steigen konnte, weil ich zu lange gesessen hatte, und eine Frau hob mich heraus, stellte mich auf die Füße, zog mir den Mantel aus, gab mir zu essen und legte mich schlafen. Ich schlief augenblicklich ein. Am Morgen wurde ich geweckt, angezogen, es gab Frühstück, und so kam ich bis nach Saratov. Das waren Vorbilder von Güte und Anstand, und sie haben mein ganzes Leben geprägt.

Für unsere Leser sind Sie die Tochter eines Pastors, der in den 1920er und 1930er Jahren in

Из рукописной тетради Э. Мютель

Aus den handgeschriebenen Heften von E. Müthel



1941 год, 31-е Августа. Нам сообщают, что всех немцев ссылают. Куда нам сразу не сказали. Потом уже узнали: всех немцев депортируют в Сибирь. Но Сибирь велика, куда именно никто не знал.

Наши соседи были русские и татары, они делили с нами малое, что у них было.
Приносили они сухари, соль, спички, чайную соду, мясо, сахар, разную снедь, необходимую в дальней дороге.
Мы для них были немцы, которых почему-то увозят, но никак не фашисты.
Наши друзья и знакомые нам тоже помогали: и продуктами и деньгами.
Мы увозили, что добрых, отзывчивых людей много.

увозили ночью, мимо наших окон зимой в мороз на санях увозили всю семью, было слышно плач, стоны. Это было страшно. Люди ведь выдерживали всё это. И мы горевали вместе с общиной, всеми, кто нас окружал.

А город есть город. Там было очень много лютеран-немцев. А мы как-то не могли влиться в эту общину. Возможно, она была другая, городская, была дистанция. Встречались с общиной только на богослужении. В деревне же мы были вместе с крестьянскими детьми – вместе были на гумне, вместе ходили в поле.

В феврале 1932 года мы уехали в Саратов. Маргариту увезли раньше меня. Потом меня одну – 11-летнюю девчонку – пустили в путь с чужими людьми. И двое суток я где-то ночевала, меня кормили, я не помню, я не знаю этих людей. Вез меня норкинский прихожанин. Это был человек, на которого можно было положиться. Я помню, что я не могла встать из саней, долго очень сидела, и меня женщина подняла, поставила на ноги, раздела, накормила и положила спасть. Я моментально заснула. Утром меня подняли, одели, накормили, и так я доехала до Саратова. Это примеры доброты и порядочности, и они остались на всю жизнь.

Для наших читателей Вы – дочь пастора, который работал в нашей Церкви в 1920-х – 1930-х годах. Вы, пожалуй, единственная дочь пастора, который служил в те годы. У вас хорошая долгая жизнь. И Ваши воспоминания имеют для нас тем большую ценность. Как дочь пастора Вы чувствовали к себе особое отношение? И ответственность, которая, наверно, была и на детях?

Да, мы чувствовали особое отношение, особенно в Норке. В Саратове тоже, но отношение было разное. У пастора огромный авторитет. И авторитетна его семья. Это и на детей накладывает ответственность, нужно было соответственно держаться. То, что было другим детям разрешено, нам не разрешалось. На собрания сестер и братьев всегда приглашали пастора. Собрания были в разных домах, и приезжали за родителями, они уезжали, но приезжали потом из другого конца села, и забирали тогда старшую сестру Маргариту. Ее называли пасторский жаворонок, у нее был хороший голос. И бывало так, что Маргарита на одном собрании, а я – на другом. Эти собрания длились два часа, иногда дольше. И дети там тоже были, они сидели и слушали.

Свадьбы были тоже зимой. Сразу по 15-20, даже до 30 пар венчались, и все хотели, чтобы у них на свадьбе был пастор. И получалось, что отец на одной свадьбе, там идет обед. А потом приезжают с другой свадьбы, и забирают его туда. Однажды случилось так, что мы простудились все четверо и лежали с высокой температурой. И приехали за родителями, и родители не могли оставить нас и уехать. Так приехавшие не поверили, зашли в комнату, где мы лежали и удостоверились, что мы больны. Они огорченные уехали, а через некоторое время они вернулись и привезли всё угощение нам домой.

Это был голод – результат раскулачивания, я это понимала. Я первый раз видела, как человек умирает. Я всю жизнь вижу эту женщину перед собой

В Норке были очень интересные традиции. Молодые обязательно посещали родственников и знакомых, которые не могли присутствовать на свадьбе из-за недуга. Молодые после обеда уезжали и привозили еду. И к бедным людям тоже привозили еду. Это была первая милостынька молодой четы, молодой семьи. Это было раз и навсегда установлено, и от этого не отступали.

Мы видели все эти традиции, сильно связанные с верой. Не зря же у меня такая тема в готовящейся книге на русском языке – вера и Церковь. Традиции и обычаи. Это все связано между собой неразрывно. Такой я видела Церковь: вместе с общиной, с людьми общины.

После тех потрясений и обид, которые Вы претерпели, и школьницей, и когда уже выросли, имели горечь в сердце, как Вы сохранили свой оптимизм?

Это мы должны поблагодарить отца. Если с нами случалось что-то неприятное, когда нас исключили из школы как детей пастора, или когда мы не имели права пользоваться прекрасной библиотекой в Норке, отец всегда говорил: «Всё пройдет», что в жизни случается и хуже. Что не надо останавливаться на беде. И мы чувствовали, что родителям

unserer Kirche arbeitete. Sie sind die wohl einzige Tochter eines Pastors, der in jenen Jahren Dienst tat. Sie haben ein gutes langes Leben. Und Ihre Erinnerungen sind für uns dadurch sehr wertvoll. Haben Sie als Pastorentochter erlebt, dass die Menschen mit Ihnen irgendwie besonders umgingen? Haben Sie eine besondere Verantwortung gespürt, die ja wahrscheinlich auch auf den Kindern lag?

Ja, wir spürten einen besonderen Umgang, besonders in Norka. In Saratov auch, aber anders. Ein Pastor hat eine enorme Autorität. Und seine Familie ist auch Autorität. Das erlegt auch den Kindern Verantwortung auf, man musste sich entsprechend verhalten. Was andere Kinder durften, war uns nicht erlaubt. Zu den Versammlungen der Geschwister wurde immer der Pastor eingeladen. Die Versammlungen fanden in verschiedenen Häusern statt, jemand holte unsere Eltern dafür ab, sie fuhren weg, und zurück kamen sie aus einer ganz anderen Ecke des Ortes. Meine ältere Schwester Margarete wurde auch zu den Versammlungen geholt. Sie wurde wegen ihrer schönen Stimme die Lerche des Pastors – „dem Pastor sei Lerch" – genannt. Es kam auch vor, das Margarita bei einer Versammlung dabei war und ich bei einer anderen. Diese Versammlungen dauerten zwei Stunden, manchmal noch länger. Und die Kinder saßen mit dabei und hörten zu.

Das war der Hunger – das Ergebnis der Enteignung, das verstand ich. Ich hatte zum ersten Mal gesehen, wie ein Mensch stirbt. Diese Frau sehe ich mein ganzes Leben lang vor mir

Geheiratet wurde auch im Winter. Es heirateten 15-20, manchmal bis zu 30 Paare auf einmal, und alle wollten, dass der Pastor bei ihrer Hochzeit dabei war. Und dann lief das so: Mein Vater war noch bei der einen Hochzeit, das Essen war im Gang, und es kam schon jemand von der nächsten Hochzeit, um ihn dorthin zu fahren. Einmal hatten wir Kinder uns alle vier erkältet und lagen mit Fieber im Bett. Die, die uns zur Hochzeitsfeier abholen wollten, glaubten das zuerst gar nicht, sie kamen ins Zimmer, wo wir lagen, und vergewisserten sich, dass wir krank waren. Betrübt fuhren sie weg, und nach einiger Zeit kamen sie wieder und brachten uns das ganze Hochzeitsessen.

In Norka gab es sehr interessante Traditionen. Jungvermählte besuchten immer die Verwandten und Bekannten, die wegen Krankheit nicht bei der Hochzeit dabei sein konnten. Nach dem Essen machten sich die Neuvermählten auf den Weg und brachten ihnen von dem Essen. Auch den Armen wurde Essen gebracht. Das war das erste Almosen des jungen Paares, der jungen Familie. Das war ein für allemal so festgelegt, und niemand wich davon ab.

Wir erlebten alle diese Traditionen, die viel mit dem Glauben zu tun hatten. Nicht umsonst habe ich dieses Thema in dem Buch auf Russisch, an dem ich arbeite, Glaube und Kirche genannt. Traditionen und Bräuche. Ich habe so die Kirche erlebt – im Zusammenhang mit der Gemeinde, mit Menschen. Eins in das Andere verflochten.

Nach den Erschütterungen und Kränkungen, die Sie erlitten haben, wie haben Sie da sowohl als Schulmädchen als auch später als Erwachsene, mit dieser bitteren Erinnerung im Herzen, Ihren Optimismus bewahrt?

Das haben wir unserem Vater zu verdanken. Wenn uns etwas Unangenehmes passierte, als wir als Pastorenkinder von der Schule ausgeschlossen wurden, oder als wir die schöne Bücherei in Norka nicht benutzen durften, sagte der Vater immer: „Das alles vergeht", im Leben geschehe auch Schlimmeres. Und man sollte nicht beim Unglück stehen bleiben. Und wir fühlten, dass es den Eltern schwer und bange ums Herz war. Wir lebten fast zwei Jahre – ab Sommer 1930, als unser Vater zum ersten Mal verhaftet wurde – so, dass an unseren Betten auf Stühlen Kleidung und Schuhe bereit lagen, weil wir vier Kinder waren und jederzeit nachts aufgescheucht werden konnten. Unsere Mutter kontrollierte immer, ob alles da war.

Und wie haben Sie all die politischen Ereignisse der Zeit erlebt?

Da gab es die Enteignung. Da wurde wirklich alles weggenommen das war eine Plünderung des Bauernstandes. Das war sehr schwer. Wir erlebten das

Епископ Дитрих Брауэр в гостях у Эдит Мютель, май 2014 года

Bischof Dietrich Brauer zu Besuch bei Edith Müthel, Mai 2014

тяжело, тревожно. Мы почти два года – с лета 1930 года, когда отца первый раз арестовали – жили так, что у наших кроватей на стульях всегда была положена наготове одежда и обувь, потому что нас четверо детей, и всегда могли ночью поднять. Мама всегда проверяла, всё ли на месте.

А все политические события того времени как Вы переживали?

Было раскулачивание. Отнимали абсолютно всё, это было разорение крестьянства. Это было очень тяжело. Мы молча всё это переживали. Мы слышали плач, крики, видели, как у людей всё выносят, и люди выходят с детьми из дома ни с чем. Кто-то их приютил, кто-то им что-то дал, помогали прихожане.

О политике отец говорил с мамой, старался без нас. Мы не знали, как и что, а мы только чувствовали, что это тяжело, что это плохо, что делали больно людям. Люди работали, и когда говорят «Будешь есть хлеб твой в поте лица» – а мы видели, что крестьяне едят свой хлеб именно в поте лица – это изречение из Библии мы видели воочию.

Мы видели голодную смерть. Мне было тогда около 13 лет. Я иду в Саратове из школы одна. Ранняя весна, и солнышко греет, я наслаждаюсь солнцем. Иду по Немецкой улице, а впереди идет молодая женщина, я только вижу ее чудесные волосы, которые буквально струятся по спине. А ведет она за руку абсолютно голого мальчика, с вздутым животом, с большой головой, с ножками и ручками, как спички. И вдруг женщина останавливается и падает головой у моих ног. Я вижу ее темные глаза, и как они закатываются.

Это был голод – результат раскулачивания, я это понимала. Не помню, как я тогда домой дошла, чем мама меня отпаивала, но всю жизнь я вижу эту женщину перед собой. Я первый раз видела, как человек умирает. Ты ребенок, помочь ничем не можешь, и задаешь себе вопрос: почему? Почему эта женщина должна была умереть? И этот ребенок, ни в чем не виноватый? Ведь ребенок воспринимает Бога как Бога хорошего, не гневающегося. Хотя говорят, что Бог тебя накажет, если не будешь слушаться родителей. Но наши родители нам этого не говорили никогда. Я не знала, что Бог наказывающий. Я знала, что Бог милостивый. А тут этот несчастный ребенок, я его в жизни не забуду.

Я не верю, когда человек говорит: «Я не верю в Бога». Он лжет сам себе. Он не знает, что он верующий, потому что нет-нет, а он говорит «Слава Богу»

Что значила в то время семья?

Семьи держались вместе. Основа была семья, и в Норке, и потом. Никто никуда не уезжал от семьи. Вся семья вместе переживала общие трудности. Я знала семью Вольман, они жили в разных районах Саратова. В ссылке они оказались в одном месте. Среди них был врач, он устроился в районный центр врачом в больнице. Он получил квартиру – целый дом, и он всю семью собрал, и они все жили вместе. Я помню эту семью, которая меня приютила. Помогла выстоять сильная семейная привязанность. Вера несла и спасала внутри семьи. Ведь это были верующие люди. Я не верю, когда человек говорит: «Я не верю в Бога». Он лжет сам себе. Он не знает, что он верующий, потому что нет-нет, а он говорит «Слава Богу».

В разных жизненных катаклизмах и страшных бедствиях как не ожесточиться? Казалось бы, вопрос простой. Но и сложный.

Мне кажется, это зависит от того, как ты рос. Нас учили не завидовать, не ревновать. Нас было четверо детей. Родители не были богаты. Но мы понимали, что родители делают все необходимое и возможное для нас. Мы были по сезону одеты. Мы никогда не завидовали. Мне очень жаль тех людей, которые знают, что такое зависть. Мне кажется, что зависть съедает всё хорошее в человеке, всё доброе. ■

Беседу вела Марина Худенко

Отрывок из готовящейся книги:

1941 год, 31 августа. Нам сообщают, что всех немцев ссылают. Куда, нам сразу не сказали. Потом уже узнали: всех немцев депортируют в Сибирь. Но Сибирь велика, куда именно, никто не знал.

Итак, мы готовимся к депортации. Весь город Саратов в движении. На улицах города, можно сказать, через дом, стоял кто-нибудь и продавал всё, что можно продать, начиная с посуды.

Все прошедшие годы что-нибудь для дома, для хозяйства купить было трудно – всего было мало, ни на рынках, ни в магазине не купить.

Люди покупали, жалея тех, кто вынужден продавать. Много раздавали, на хранение оставляли у знакомых с надеждой, что война кончится, и они вернутся домой.

Так или иначе, от вещей освобождались, оставляли только одежду, постельные принадлежности, что можно было унести, самое-самое необходимое, владеющие ремеслом – свои инструменты.

В магазинах что-нибудь купить из продуктов в дорогу было очень трудно: магазины были пусты, да и сберегательные кассы были все по техническим причинам закрыты.

Мы были очень удивлены, когда к нам пришли соседи по улице. Мы их не знали, так как жизнь наша проходила по многим причинам очень замкнуто, закрыто. Мы ничего не хотели брать, но они нас уверяли, что соседи они наши и видели, как мы росли. О судьбе нашего отца они тоже знали. Нас это очень удивило. Наши соседи были русские и татары, они делили с нами малое, что у них было.

Приносили они сухари, соль, спички, чайную соду, мыло, чай, сахар и разную мелочь, необходимую в дальней дороге. Мы для них были немцы, которых почему-то увозят, но никак не фашисты. Наши друзья и знакомые нам тоже помогли: и продуктами, и деньгами. Мы увидели, что добрых, отзывчивых людей много.

alles schweigend mit. Wir hörten Weinen, Schreie, wir sahen, wie aus einem Haus alles hinausgebracht wurde und die Bewohner mit ihren Kindern ohne alles herauskamen. Jemand nahm sie auf, jemand gab ihnen etwas, die Gemeindemitglieder halfen.

Über Politik sprach mein Vater mit meiner Mutter, möglichst ohne uns. Wir wussten nicht, was los war, wir fühlten bloß, das es schwer war, das es schlimm war, das Menschen wehgetan wurde. Die Menschen arbeiteten, und wenn gesagt wird „du isst dein Brot im Schweiß deines Angesichts", dann haben wir wirklich erlebt, wie Bauern ihr Brot buchstäblich im Schweiß ihres Angesichts aßen. Dieses Bibelwort haben wir mit eigenen Augen gesehen.

Wir sahen, wie jemand vor Hunger starb. Da war ich 13 Jahre alt. Ich komme in Saratov allein aus der Schule. Es ist Frühlingsanfang, die Sonne wärmt, ich genieße die Sonne. Ich gehe die Deutsche Straße entlang, und vor mir geht eine junge Frau, ich sehe bloß ihr wunderbares Haar, das in Wellen den Rücken herabfließt. Und an der Hand führt sie einen nackten Jungen mit aufgedunsenem Bauch und dickem Kopf, mit Armen und Beinen wie Streichhölzer. Und plötzlich bleibt die Frau stehen und fällt um – direkt mit dem Kopf vor meine Füße. Ich sehe ihre dunklen Augen und wie sie sich verdrehen.

Das war der Hunger – das Ergebnis der Enteignung, das verstand ich. Ich weiß nicht mehr, wie ich damals nach Hause kam, was meine Mutter mir zur Beruhigung einflößte, aber diese Frau sehe ich mein ganzes Leben lang vor mir. Ich hatte zum ersten Mal gesehen, wie ein Mensch stirbt. Man ist Kind, kann nichts tun, um zu helfen, und fragt sich: Warum? Warum musste diese Frau sterben? Und dieses unschuldige Kind? Gott ist immer gut. Ein Kind fasst Gott ja als guten Gott auf, nicht als zornigen. Obwohl gesagt wird: Gott bestraft dich, wenn du deinen Eltern nicht gehorchst. Unsere Eltern haben uns das aber auch nie gesagt. Ich wusste nicht, dass Gott ein Strafender ist. Ich wusste, dass Gott barmherzig ist. Und dann dieses unglückliche Kind, das werde ich mein Leben lang nicht vergessen.

Was hat die Familie damals bedeutet?

Familien hielten zusammen. Die Grundlage war die Familie, wie in Norka, so auch später. Niemand fuhr von seiner Familie weg irgendwohin. Die ganze Familie ging zusammen durch gemeinsame Schwierigkeiten. Ich kannte Familie Wollmann. Die lebten in unterschiedlichen Stadtvierteln von Saratov. In der Verbannung kamen sie an den selben Ort. Einer von ihnen war Arzt. Er fand eine Stelle im Kreiskrankenhaus. Er bekam eine Wohnung – ein ganzes Haus – und er sammelte dort seine ganze Familie, und sie wohnten alle zusammen. Ich erinnere mich an diese Familie, die mir Obdach gab. Die starke Familienbindung half durchzuhalten. Der Glaube war Halt und Rettung innerhalb der Familie. Denn das waren ja gläubige Menschen. Ich glaube das auch nicht, wenn jemand sagt: „Ich glaube nicht an Gott". Der belügt sich selbst. Er weiß nicht, dass er gläubig ist, aber er kann jeden Moment sagen „Gott sei Dank".

Ich glaube das auch nicht, wenn jemand sagt: „Ich glaube nicht an Gott". Der belügt sich selbst. Er weiß nicht, dass er gläubig ist, aber er kann jeden Moment sagen „Gott sei Dank"

Wie schafft man es, sich in den verschiedenen Nöten des Lebens nicht verhärten zu lassen? Die Frage ist scheinbar einfach. Aber auch schwierig.

Mir scheint, das hängt davon ab, wie man aufgewachsen ist. Uns wurde beigebracht, nicht neidisch oder eifersüchtig zu sein. Und uns war klar, dass unsere Eltern für uns alles Nötige und Mögliche taten. Wir hatten Kleidung für jede Jahreszeit. Wir waren nie neidisch. Mir tun die Menschen sehr Leid, die wissen, was Neid ist. Mir scheint, Neid frisst alles Gute, alles Liebevolle im Menschen. ■

Das Gespräch wurde von Marina Chudenko geführt

Auszug aus dem Manuskript:

1941, der 31. August. Uns wird mitgeteilt, dass alle Deutschen in die Verbannung geschickt werden. Wohin, wurde uns nicht sofort gesagt. Später erfuhren wir dann: Alle Deutschen werden nach Sibirien deportiert. Aber Sibirien ist groß, wohin genau, wusste keiner.

So bereiten wir uns also auf die Deportation vor. Die ganze Stadt Saratov ist in Bewegung. Auf den Straßen der Stadt stand sozusagen an jedem zweiten Haus jemand und verkaufte alles, was man verkaufen kann, angefangen beim Geschirr.

Die ganzen Jahre zuvor war es schwer gewesen, etwas fürs Haus, für den Haushalt zu kaufen – alles war knapp, weder auf den Märkten noch im Laden fand man etwas.

Die Menschen kauften aus Mitleid mit denen, die verkaufen mussten. Vieles wurde verschenkt oder bei Bekannten verstaut in der Hoffnung, dass man nach dem Ende des Krieges nach Hause kommen würde.

Wie auch immer, man wurde seine Sachen los, behielt nur Kleidung und Bettzeug, was man tragen konnte, das Allernötigste; wer ein Handwerk verstand, nahm sein Werkzeug mit.

Es war sehr schwer, in den Geschäften Reiseproviant zu bekommen. Die Geschäfte waren leer und auch die Sparkassen waren alle „vorübergehend geschlossen".

Wir wunderten uns sehr, als die Leute aus dem Nachbarhaus zu uns kamen. Wir kannten sie nicht, da unser Leben aus vielen Gründen sehr zurückgezogen und abgeschlossen verlief. Wir wollten nichts nehmen, aber sie versicherten uns, sie seien doch unsere Nachbarn und hätten uns aufwachsen sehen. Vom Schicksal unseres Vaters wussten sie auch. Das wunderte uns sehr. Unsere Nachbarn waren Russen und Tataren, sie teilten mit uns das Wenige, was sie hatten.

Sie brachten Zwieback, Salz, Streichhölzer, Speisenatron, Seife, Tee, Zucker und verschiedene Kleinigkeiten, die man auf weiten Reisen braucht. Für sie waren wir Deutsche, die aus irgendwelchen Gründen weggebracht wurden, aber keinesfalls Faschisten. Unsere Freunde und Bekannten halfen uns auch: sowohl mit Lebensmitteln als auch mit Geld. Wir sahen, dass es viele gütige, hilfsbereite Menschen gibt.

«Иисус Христос, Сын Божий»/ “Herr Christ, der einig Gotts Sohn“

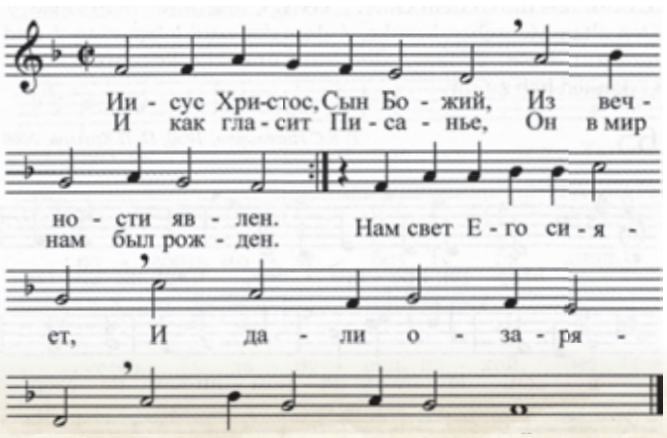
Элизабет Круцигер (1500-1535)

Несмотря на то, что в сборниках евангелических песнопений этот гимн стоит в разделе новогодних хоралов, он также хорошо подходит и к празднику Реформации. Ведь одно из старейших евангелических песнопений “Herr Christ, der einig Gotts Sohn” относится к «золотому фонду» песен Реформации. И что особенно примечательно, автором слов является первая женщина-поэт эпохи Реформации!

Элизабет Круцигер (1500-1535) происходила из дворянского рода фон Метцигер из Померании. В юности она становится монахиней. Но затем, в 23 года, вдохновленная учением Лютера, она покидает монастырь, конвертируется в лютеранство, переезжает в Виттенберг, где позже выходит замуж за ученика Лютера Каспара Круцигера. Это песнопение Элизабет написала в 1524 году.

Иисус Христос, Сын Божий

Т.: Э. Круцигер, 1524, муз.: XV в.



2. Рожден был человеком, / Чтоб нас во тьме найти. / Пред Господом от века / нас к жизни привести. / Он был отцу послушен, Он смерть для нас разрушил, / И небо нам открыл…

Первые две строфы, переведенные также на русский язык, – это прославление Христа, история спасения человечества, символ веры «в миниатюре». В последующих строфах очевидна связь реформаторской проповеди Евангелия с внутренним, почти мистическим благочестием, характерным для средневекового монастыря: «вкушение Твоей сладости в сердце». В этом отразился личный опыт молодой поэтессы.

Мелодия хорала является немного переработанным автором мотивом светской песни XV века.

Herr Christ, der einig Gotts Sohn

1. Herr Christ, der einig Gotts Sohn, / Vaters in Ewigkeit,/ aus seim Herzen entsprossen, / gleichwie geschrieben steht, / er ist der Morgensterne, / sein Glänzen streckt er ferne / vor andern Sternen klar;

2. Für uns ein Mensch geboren / im letzten Teil der Zeit,/ dass wir nicht wärn verloren / vor Gott in Ewigkeit,/ den Tod für uns zerbrochen, / den Himmel aufgeschlossen, / das Leben wiederbracht:

3. Lass uns in deiner Liebe / und Kenntnis nehmen zu, / dass wir am Glauben bleiben, / dir dienen im Geist so, / dass wir hier mögen schmecken / dein Süßigkeit im Herzen / und dürsten stets nach dir.

4. Du Schöpfer aller Dinge, / du väterliche Kraft, / regierst von End zu Ende / kräftig aus eigner Macht. / Das Herz uns zu dir wende / und kehr ab unsre Sinne, / dass sie nicht irrn von dir.

5. Ertöt uns durch dein Güte, / erweck uns durch dein Gnad. / Den alten Menschen kränke, /dass er neu' leben mag / und hier auf dieser Erden / den Sinn und alls Begehren / und G'danken hab zu dir.

Мужество для построения мостов

Господи, я хочу иметь мужество для построения мостов
Между мною и теми, кого я не люблю и не могу понять,
Кому я не доверяю, или теми, кто огорчает меня,
И теми, с кем я веду спор.

Мостов и для тех, кто конфликтует между собой.
Мостов между моим кругом и другими кругами,
Моим поколением, моей социальной группой
и другими группами.

Мостов к тем, кто находится вовне, к разочарованным,
Пленникам предрассудков, отпавшим,
Насмешникам и врагам.

Я хотел бы иметь мужество для построения мостов
И там, где это не пользуется популярностью,
Проходя через железные завесы страха
И убежденности в собственной правоте.
Я молю Тебя о мужестве для построения мостов!

Аминь.

Эрнст Ланге

Mut zum Brückenbauen

Herr, ich möchte den Mut zum Bau von Brücken haben,
zwischen mir und denen, die ich nicht mag
und nicht verstehen kann,
die mir misstrauen oder mich enttäuschen,
und denen, mit denen ich im Streit lebe.

Brücken auch für die, die untereinander streiten.
Brücken zwischen meinem Kreis und anderen Kreisen,
meiner Generation, meiner sozialen Gruppe
und anderen Gruppen,
Brücken zu denen, die draußen sind, den Enttäuschten,
den in Vorurteil Befangenen, den Abgefallenen,
den Spöttern und Feinden.

Ich möchte den Mut zum Brückenbau haben auch dort,
wo Brückenbau unpopulär ist,
quer hindurch durch die eisernen Vorhänge der Angst,
der Selbstgerechtigkeit.
Ich bitte Dich um den Mut zum Brückenbau!

Amen.

Ernst Lange

Нести ответственность

Всемогущий Вечный Боже,
Ты соделал и устроил так,
Что я должен познавать правду,
Изучать и говорить о том,
что есть справедливо.
Поэтому даруй мне милость
И благослови меня на то,
Чтобы я искал и находил лишь истину.
Во славу Тебе,
Во благо людям и стране,
Ради Христа,
Твоего Возлюбленного Сына,
Моего Господа и Спасителя.

Аминь.

(из книги Маргот Кэсманн «Молиться с Лютером»)

Verantwortung tragen

Allmächtiger, ewiger Gott,
Du hast es so geordnet und eingerichtet,
dass ich das Recht studieren,
lernen und sprechen soll, was recht sein soll.
Darum gib Du Gnade und Segen dazu,
damit ich nur die Wahrheit suche und
finde.
Dir zu Ehren,
dem Land und den Menschen zum
Nutzen,
um Christi willen,
Deines lieben Sohnes,
meines Herrn und Heilandes.

Amen.

(aus dem Buch von Margot Käßmann „Beten mit Luther“)

… Церковь призвана объединять людей вне зависимости от их политических взглядов, она должна оставаться убежищем и местом примирения…

… Die Kirche ist dazu berufen, die Menschen unabhängig von ihren politischen Ansichten zu einen, sie muss ein Zufluchts- und Versöhnungsort bleiben…